

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

История зарубежной журналистики

Пражурналистские явления античности

*Допущено методическим советом Пермского государственного
национального исследовательского университета
в качестве учебного пособия для студентов филологического
факультета, обучающихся по направлению подготовки
бакалавров «Журналистика» и магистров
«Филология»*

Пермь 2013

УДК 070 (091) (1-87)

ББК 76.01

П 89

Пустовалов А. В.

П 89 История зарубежной журналистики. Пражурналистские явления античности: учеб. пособие / А. В. Пустовалов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 123 с.: ил.

ISBN 978-5-7944-2192-7

Курс лекций посвящен еще недостаточно изученному отечественной наукой периоду в истории зарубежной журналистики – античности. Соединяя уже имеющиеся отдельные разработки разных авторов, данный курс, призванный прояснить как специфику становления отдельных жанров (репортаж, обозрение, панегирик, биографический очерк, и пр.), так и специфику становления отдельных явлений (фасты, «Acta Diurna», античная историография и т.д.), анализирует и выстраивает общую логику развития феномена античной пражурналистики в целом.

Учебное пособие предназначено для использования в преподавании дисциплины «История зарубежной журналистики» (направление «Журналистика», бакалавриат), «История и теория СМИ» (направление «Филология», магистратура «Филологическое обеспечение медиакоммуникации»), а также использования в иных учебных курсах гуманитарных специальностей, где уместно обращение к истории СМИ.

ББК 76.0

УДК 070 (091) (1-87)

Печатается по решению редакционно-издательского совета Пермского государственного национального исследовательского университета.

Рецензенты:

к. филол. наук, доц. каф. государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета

Н. Ф. Пономарев;

к. филол. наук, ст. преп. каф. журналистики Северного (Арктического) федерального университета ***Н. С. Авдонина.***

ISBN 978-5-7944-2192-7

© Пустовалов А. В., 2013

© Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	4
Введение.....	4
Глава 1. Геродот и Фукидид как «отцы репортажа»	5
Глава 2. Полибий: совершенствование методов работы с информацией.....	19
Глава 3. Ораторское искусство как устная форма публицистики	28
Глава 4. Сократ и Платон	37
Глава 5. Аристотель: роды искусства и виды СМИ	54
Глава 6. Исократ	61
Часть II. ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО РИМА	70
Введение.....	70
Глава 7. Цицерон	71
Глава 8. Гай Юлий Цезарь и «Записки о Галльской войне».....	87
Глава 9. Рим: фасты и анналистика	97
Глава 10. Гай Юлий Цезарь и зачатки периодической печати в Риме	105
Заключение.....	115
Список литературы.....	117

Часть I

ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Введение

Для европейской культуры античность имеет огромное значение. Европа во многом является наследником древнегреческой и древнеримской античности – как в способе оформления мысли, так и в самом ее содержании.

В данном пособии нас интересует не столько содержание, сколько оформление мысли деятелей этой эпохи, а именно – прообразы и образы известных нам сегодня журналистских и публицистических жанров, которые в изобилии предоставляет нам античность. Очевидно, что уже в этот период созрели предпосылки и для информационных, и для аналитических, и для художественно-публицистических жанров (сообщение, выступление, интервью, отчет, обозрение, статья, открытое письмо, очерк, памфлет, инвектива, и пр.). Кроме того, в деятельности представителей того времени (ораторское искусство, историография, ведение фастов, эпистолярное искусство) уже вызревают предпосылки для формирования журналистики как профессионального, специализированного института.

В первой и второй частях пособия мы дадим последовательный обзор пражурналистских явлений Древней Греции и Древнего Рима.

Глава 1

Геродот и Фукидид

как «отцы репортажа»

Вряд ли можно сказать, что умение работать с фактами, с актуальными новостями и информацией присуще человеку изначально, в силу «особой» природы гомо сапиенс. Это умение, как и другие, приобреталось человеком постепенно, порой мучительно, в ходе эволюции форм познания, социально-политической жизни, мировоззрения.

Рассуждая об античности, историки журналистики прежде всего останавливаются на ораторском искусстве, и менее часто вспоминают о таком развитом направлении словесности Древней Греции и Рима, как историография. Она, без сомнения, стала одной из важных вех в совершенствовании методов работы с информацией. Античную историографию можно отнести к числу значимых пра-журналистских явлений, хотя в таком аспекте она весьма мало исследована. Однако она имела свои несомненные достижения, среди которых отечественный исследователь А. Калмыков выделяет «увеличение информационно-коммуникационной нагрузки письменного слова», подчеркивая также, что «историография дала прессе уроки честности в освещении фактов» [Калмыков 2005].

Прежде всего отметим, что сущностным свойством древнейших текстов являлся *синкретизм* – смешение начал, которые нам представляются весьма далекими и неслияемыми: искусства и прагматики, документализма и художественности, мифа, фантастики и реальности. Между тем для человека того времени это было естественным, он еще не умел отделять одно от другого. Как подчеркивает В. В. Учёнова, «мифологический этап общественного сознания

не подлежит расчленению на такие составляющие, как «факт» и «вымысел», потому что в нем отображено состояние общественной неосведомленности о таких категориях. Это стадия, когда равноценной реальностью ощущалось «внешнее» и «внутреннее», объективное и субъективное» [Учёнова 1972: 25–26].

Позже пафос документализма постепенно сменяет в общественном сознании стадию всепроникающего мифологизма. Появляется стремление в жизненной практике опираться на факты, а не на выдумки.

Творчество Геродота отражает переход к этой новой ступени восприятия и воспроизведения действительности. Он старается описать прошлое, опираясь не на миф, а на собственные наблюдения или воспоминания участников. Разумеется, это еще не делает излагаемое Геродотом научно достоверными. Но это переносит смысловое наполнение текста из области мифологизма в область исторической реальности и создает основу дальнейшего углубления и дифференциации знания. И не случайно еще в древности Геродота стали величать «отцом истории», «отцом историографии» [см., напр., Цицерон 1966: 90].

Геродот из Галикарнасса (приблиз. 485–425 гг. до н. э.) прежде всего выступает как систематизатор творчества своих предшественников – *логографов*. Логографы – первые греческие прозаики. Их произведения – нечто среднее между литературой и фольклором, реальными страноведческими описаниями и выдумками о том, что происходит «за тридевять земель». Их описания стран и народов полны мифологического, фантастического элемента.

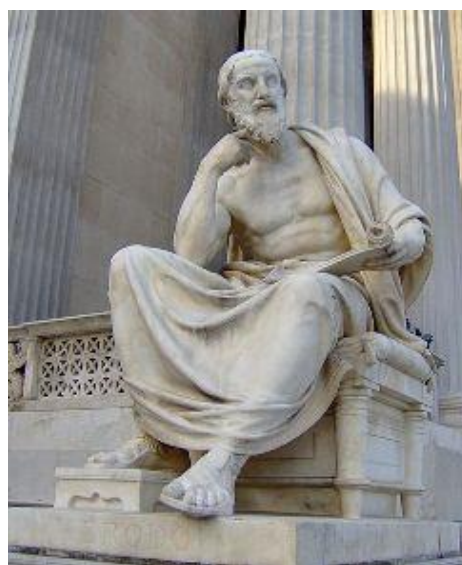

Рис. 1. Геродот

Геродот критически переосмысливает сказания логографов там, где фантастический элемент слишком противоречит здравому смыслу. Те же исторические данные, которые кажутся ему достоверными, он фиксирует и добавляет к ним опыт собственных многочисленных путешествий. Кроме того, Геродот пользуется материалами храмовых архивов, рассказами жрецов, устными преданиями и воспоминаниями очевидцев тех или иных событий. (Таким образом уже в то время он обращается к тем способам сбора информации, которыми широко пользуются современные журналисты – работа с документами, включенное наблюдение, интервью). То есть Геродот уже начал выходить за рамки типичного для того времени синкретического творчества, вытесняя традиционные для него фантазийные мифологические элементы и основываясь на реальных данных о мире.

В конце 1970-х гг. В. В. Учёнова, анализируя труд Геродота, призывала «задуматься над общностью исторического изложения и журналистского творчества, трудом древнего историка и современного журналиста». Такое сопоставление, по ее мнению, «проливает новый свет на ...определение публицистики как истории современности и добавляет оттенки в знание об исторических истоках публицистики» [Учёнова 1972: 34].

Швейцарский исследователь Жан Виллен немало сделал в этом направлении, предложив довольно остроумную расшифровку текстов античного мыслителя. Он находит большое сходство между подходом Геродота и методикой такого журналистского жанра как репортаж, утверждая, что Геродот – не только «отец истории», но и, что прежде всего интересно журналисту, – «отец репортажа» [Виллен 1970: 84]. (Сразу же оговоримся, что будем употреблять термин «репортаж» в его широкой «западной» трактовке, поскольку многие из произведений этого жанра в более строгом понимании отечественных теоретиков являются заметками, очерками или отчетами).

Прежде всего, Виллен критикует представление о «молодости» жанра репортажа, чье возникновение относят ко времени зарождения капитализма. «Отцовство репортажа часто приписывают революционной буржуазии XVII и XVIII столетий, а колыбелью беспокойного ребенка считают наборную кассу разросшегося вместе с буржуазией газетного дела» [Виллен 1970: 74].

Исследователь считает такое представление неверным (хотя «третье сословие» того времени, как это показали Монтескье и Луи Себастьян Мерсье, очень охотно и исключительно умело использовало репортаж в качестве острого оружия борьбы с мешавшими его развитию силами реакции). Этот жанр поднявшаяся к власти буржуазия в лучшем случае *вновь отыскала и надлежащим образом реставрировала* для своих собственных целей. Сам же он процветал еще задолго до тех времен.

Виллен полагает, что репортаж мог увидеть свет уже в тот момент, когда люди стали письменно фиксировать свои мысли и наблюдения, и больше того: что репортаж всегда, начиная с его уходящих в далекое прошлое истоков, *подчиняется действию одних и тех же законов, определивших его форму и содержание*. Репортаж был самым рациональным средством познания и понимания общественной действительности. И должна была существовать публика, предъявлявшая на него спрос, и тем самым создавшая рынок, настоятельно требовавший «товара».

Виллен обращает внимание на «античные корни» слова «репортер». «По точному значению слова репортер – это тот, кто что-нибудь «приносит обратно» (от латинского «reportare», которое, пройдя через французское «reporte» стало в английском «to report», а в немецком – «reportieren»). И действительно, самая важная задача репортера состоит в том, чтобы «приносить обратно» Он приносит обратно наблюдения, опыт, конкретные факты, которые он почерпнул непосредственно из обильного источника ситуаций, событий и

происшествий» [Виллен 1970: 78]. Именно с античности мы можем проследить корни этого жанра, поскольку в силу обстоятельств, таких, например, как уничтожение Александрийской библиотеки, разгрома инквизиции в Средние века, старательно уничтожавшей все, что относится к «языческому» прошлому, да и физической недолговечности памятников культуры, более ранних источников просто не сохранилось.

Высокоразвитое античное общество испытывало огромную потребность в больших и малых сообщениях об общественных событиях, процессах и т. п., сообщениях документально точных, в основном опирающихся на свидетельства очевидцев, но в то же время достойных в литературном отношении и удобочитаемых.

И поэтому столь же сильной должна была быть у них жажда текстов, которые могли бы послужить опорой в их предприятиях, – произведений, которые могли бы быть полезны в качестве надежного, практического руководства при изучении окружающего мира, но в то же время являться и развлекательным материалом – словом, жажда репортажей. Ибо только репортаж, а не какой-либо другой вид литературы может предложить и совершенно точную информацию из первых рук и доставить эстетическое удовольствие, считает Ж. Виллен.

Геродот жил в то время, когда города-государства Греции совершали великий поворот в сторону демократии. Это были времена небывалого экономического подъема, когда расцветали ремесла и промыслы, греки трудом крепили свою недавнюю победу над персами.

Непосредственной причиной такого блестящего духовного расцвета было необычайное развитие в ту пору *морской торговли*. Только что закончившиеся персидские войны вынудили греков – сначала в военных целях – начать широкое строительство морских судов. Но и после победы, приобретя навыки в мореплавании, греки

развертывают судостроение уже в торговых целях. Их суда совершают регулярные рейсы в порты Малой Азии и Египта, в район нынешней Варны и Одессы. Помимо этого, греческие города поддерживали тесные связи со свои колониями на Сицилии, в Испании, Ливии, вывозили оттуда разные товары и сырье.

Кроме того, им настоятельно требовалось познать мир шире и глубже, получить точное представление о зарубежных общественных порядках и географии. Лишь опираясь на эти сведения тогдашним греческим купцам можно было вести планомерную, рассчитанную на долгие сроки торговлю.

Геродот, миссия которого состояла в том, чтобы дать это новое в познании мира, вошел в мировую культуру и как «отец истории», и как «отец репортажа». Само слово история (др.-греч. *ἱστορία* – расспрашивание, исследование) после Геродота имеет уже новый смысл. Свой труд Геродот разделил на 9 книг, названных именами греческих муз (Клио, Эвтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания, Каллиопа). Повествование он начинает с рассказа о лидийских и персидских царях, давая подробное географическое, этнографическое и хронологическое описание каждой страны и народа. Это описание перебивается вставными новеллами, в которых обрабатываются предания, мифологические и сказочные сюжеты. Таковы новеллы о Крезе, Кире и Камбизе, Солоне и т.д.

В первых четырех книгах излагается история становления персидской державы, в которую вводятся Вавилон, Египет, Ливия, Фракия. Персидская держава совершает величественные подвиги, подчиняя себе огромнейшие пространства Азии.

Вторая половина труда имеет иную окраску. Вводится «греческая» тема, с которой связываются судьбы Европы, начинается рассказ о греко-персидских войнах. Геродот развертывает монументальную картину борьбы двух миров – Европы и Азии. Именно она интереснее всего современнику, прежде всего тем, как он связывает

происходившее на глазах у всех с неким вечным мировым законом, находя, как это и положено хорошему репортеру, свою особую логику в происходящем.

Персидская держава, ставшая владыкой Азии, переступает положенный естественный предел. В своей преступной дерзости она покушается на обладание Европой. И тут в полную силу заявляет о себе важный дидактический мотив, приобретающий значение вечного закона жизни. Он был намечен в новеллах о Кире, Крезе и Солоне – *мотив божественного возмездия высокомерным гордецам – за надменность, неправду, за чрезмерность.*

Чувство меры было сильно развитым у греков, и подобное объяснение происходящего было глубоко понятно современникам Геродота. И вот таким образом божественное возмездие «гордецам» становится у «отца истории» реальной движущей силой исторического процесса. Чрезмерные притязания персидской державы, закосневшей в своей гордыне, должны были быть пресечены, ее удел теперь – неизбежное падение. Это с неотвратимостью и происходит в великой войне с греками.

Таким образом, Геродот стремился исследовать, дописать, сделать понятной современность, подвижную, каждый день приносившую неслыханные новости, ошеломлявшую событиями и открытиями, причем связав эту современность с некоей глубинной логикой прошлого.

Важно, что когда дело касалось описания современности, он с особой силой подчеркивал свою роль *очевидца*, он всегда и неизменно всем своим авторитетом подтверждал достоверность положений и событий, им излагаемых. И то, что действительно интересовало Геродота, когда он брался за свое тростниковое перо и сверток папируса, побуждало его писать свои объемистые книги о персах, Египте и Ливии, об ионическом восстании, Ксерксе и многом другом, очень удачно было сформулировано Вальтером Отто в его пре-

дисловии к изданному в 1955 году в Штутгарте полному собранию сочинений Геродота. Он писал: «Геродот или Фукидид руководствовались убеждением, что их долг сообщать только о том, что произошло или даже сейчас еще происходит и имеет непреходящее значение...» [цит. по: Виллен 1970: 75].

Если это так, то античный прародитель репортажа действовал аналогично современным репортерам, которых побуждает взяться за перо то, что произошло и даже еще сейчас «происходит и имеет непреходящее значение». Мы можем обнаружить в геродотовском труде многие «родовые» свойства репортажа – увлекательность, публичную предназначенность, наглядность, особенно в тех случаях, когда автор дает собственную картину мест, людей и явлений, а главное – последовательность и логику в изложении событий, стремление достоверно воспроизвести современность.

Виллен полагает, что и сегодняшние репортеры могут считать себя «историографами», если правильно выполняют свои обязанности, то есть если пытаются разведать самое существенное, самое типичное для нашей эпохи и запечатлеть это на бумаге. И актуальный для сегодняшнего дня материал может завтра стать тем, что помогает ставить вехи истории.

Но не только вследствие понимания Геродотом этой «историчности» можно с полным правом назвать его «отцом репортажа». Многие его произведения не только по содержанию, но и по своему характеру, по своей форме сделаны по-репортерски – в самом современном смысле этого понятия. Он, к примеру, всячески стремится *избегать в своих описаниях скуки и протокольности*. Где только представляется возможность, он придает им художественными средствами сочность, уснащает анекдотами, умеет использовать разные курьезы. Он желает занимать, доставлять удовольствие, увлекать, радовать. И это ему удается, порой даже лучше, чем некоторым современным репортерам. Хотя тут мы должны отметить, что стре-

мясь к занимательности изложения, Геродот прибегает к недостаточно взвешенной, а порой довольно фантастической трактовке событий.

Это дает повод В. В. Учёновой критиковать Виллена за «научную неосновательность» его рассуждений, для чего, безусловно, есть резоны. «История» Геродота еще несвободна от мифологических воззрений, там встречаются откровенно сказочные эпизоды и ссылки. Можно привести следующий пример. Объясняя причины захвата персами лидийского города Сарды, Геродот пишет: «...с этой стороны нельзя было когда-нибудь опасаться штурма, так как здесь скала акрополя круто спускалась вниз и была совершенно неприступной. Только в одном этом месте древний царь Сард Мелес не обнес льва, которого ему родила наложница...» [Геродот 1972: 39]. Именно это место и позволило персам штурмом взять город.

Как подчеркивает В. В. Учёнова, подобными аргументами история Геродота переполнена, что вряд ли свойственно репортажам блестящего журналиста Жана Виллена. Добавим также, что объяснение моментов истории через «божественное возмездие» вряд ли весомо звучит для сегодняшнего читателя. Хотя, если помнить, что мифологизация явлений действительности была еще свойственна человеку той эпохи, то можно сделать вывод, что для основной массы читателей Геродота такие объяснения были достаточными и исчерпывающими.

Изучение Геродота дает многое для объяснения происхождения публицистических текстов. Творчество Геродота, при синкретизме его продукта, – уже движение к осознанной дифференциации типов изложения. Заявки автора на достоверность не реализованы текстом, ибо в самом общественном сознании не определилась достаточно четко разница между достоверным и недостоверным. Однако заявленный творческий принцип автора – отчетливое стремление к научности изложения, к проверке получаемых сведений, к

личному участию в описываемых событиях. В этом заключены предпосылки, развитые впоследствии в журналистском типе отображения действительности [Учёнова 1972: 35].

Что же касается научности, то уже младший современник Геродота его исторический преемник, греческий историк Фукидид, принял установку предшественника, но не принял – более того, подверг критике – способ ее реализации. У Фукидида резко возрастает роль фактов и достоверных объяснений. Точность сведений его исследования об истории Пелопоннесских войн и поныне не опровергнута исторической наукой. Правда, в чем-то ему проще, он не стремился увязать события настоящего с логикой мифического прошлого. Он специально оговаривает, что это не было его главной задачей: «То, что предшествовало этой войне и что происходило в более ранние времена, невозможно было за давностью времени исследовать с точностью». Поэтому в своем фундаментальном труде Фукидид, сам командовавший афинским флотом и разделявший тяготы войны, по существу выступает как летописец современности. Виллен, кстати, называет Фукидида «прямым преемником Геродота «по части репортажа»».

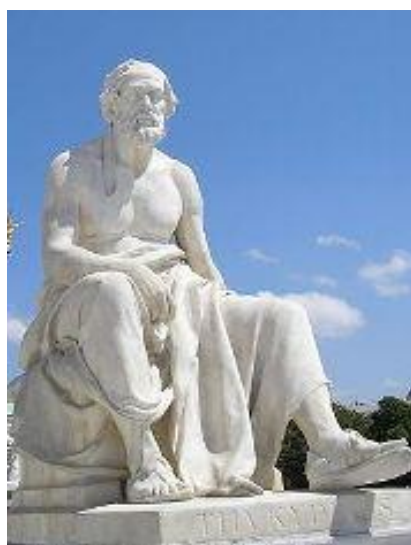

Рис. 2. Фукидид

Фукидид (ок. 454 г. – ок. 396 г. до н. э.), автор «Истории Пелопонесской войны» в 8 частях многими исследователями (например, И. М. Тронским) признается самым выдающимся историком античности. Причем эту войну он воспринимал как величайшее современное событие, имеющее мировой масштаб. Это видно, например, из следующего его пассажа:

«Фукидид-афинянин написал историю войны между пелопоннесцами и афинянами, как они вели ее друг против друга. Он приступил к труду своему тотчас с момента возникновения войны в той уверенности, что война эта будет важной и самой достопримечательной из всех предшествовавших. Заключал он так из того, что обе воюющие стороны были вполне к ней подготовлены, а также из того, что прочие эллины, как он видел, стали присоединяться то к одной, то к другой стороне, одни медленно, другие после некоторого размышления. Действительно, война эта вызвала величайшее движение среди эллинов и некоторой части варваров, да и, можно сказать, среди огромного большинства всех народов» [Фукидид 1981: 5].

Война была для него воистину великим событием современности, поэтому и анализировать ее он взялся, применяя находки современной ему научной мысли. Свою методологию он основывает на достижениях *гиппократовской медицины* и *софистики*. Из первой он берет общую схему анализа явления и ставит «медицинский» диагноз своей современности: Пелопонесская война представляется Фукидидом как *состояние кризиса, болезни*; он стремится вскрыть причины этой болезни и дать рецепт ее излечения.

В этом ему помогает софистика, анализировавшая *общие стимулы человеческого поведения* – природных склонностей, соображений, расчета, выгоды и т.д. И фактором, определяющим движение человеческого общества, у Фукидида становится *игра человеческих страстей и потребностей*, а не божественное возмездие гордым и чрезмерным, как у Геродота. От софистов Фукидид унаследовал скептицизм по отношению к религиозно-мифологическому мировоззрению. Миф, религия, вера в оракулы воспринимается им как фактор, существенным образом влияющий на поведение людей, но не затрагивающий глубины его собственного анализа.

Виллен отмечает, что Фукидид уже освободился от метафизических представлений и поэтому вникал в описываемые им события с небывалой до него конкретностью и научностью. Действительно, не будет преувеличением сказать, что метод Фукидида закладывает принципы научного мышления. Важными чертами его труда являются объективность и беспристрастие (что потом станет принципиальным для других античных историографов, например, у Полибия). Будучи афинским патриотом, он признает и реально оценивает силу противников Афин и не стремится скрыть негативные стороны афинской политики.

Фукидид сделал многое в такой важной сфере, как обработка и критическое осмысление получаемой информации.

Для изложения происходящих событий он вводит требование максимальной точности и обязательной проверки каждого сообщаемого факта. Его повествование о междоусобных войнах греков расположено в строго хронологическом порядке, по летним и зимним кампаниям, что особенно важно для репортерского изложения, Фукидид описывает основные события, совершавшиеся не только на его глазах, но и с его участием. Он делает огромный шаг вперед в усилении документальности повествования. Творческая позиция Фукидида – не стихийное, а осознанное стремление к документальности, осознанное противодействие заблуждениям и вымыслу, маскирующемуся под реальность. Он пишет:

«...Не ошибется тот, кто рассмотренные мною события признает скорее всего в том виде, каком я сообщил их на основании упомянутых свидетельств, кто в своем доверии не отдаст предпочтения ни поэтам, воспевшим эти события с преувеличениями, и прикрасами, ни прозаикам, сложившим свои рассказы в заботе не столько об истине, сколько о приятном впечатлении для слуха: и рассказываются события, ничем не подтвержденные и за давностью

времени, когда они были, превратившиеся большей частью невероятное и сказочное.

Пусть знают, что события мною восстановлены с помощью наиболее достоверных свидетельств, настолько полно, насколько это позволяет древность их... Я не считал согласным с своею задачей записывать то, что узнавал от первого встречного, или то, что я мог предполагать, но записывал события, очевидцем которых был сам, и то, что слышал от других, после точных, насколько возможно, исследований относительно каждого факта, в отдельности взятого. Изыскания были трудны, потому что очевидцы отдельных фактов передавали об одном и том же неодинаково, но так, как каждый мог передавать, руководствуясь симпатией к той или другой из воюющих стран или основываясь на своей памяти.

Быть может, изложение мое, чуждое басен, покажется менее приятным для слуха; зато его сочтут достаточно полезным все те, которые пожелают иметь ясное представление о минувшем... Мой труд рассчитан не столько на то, чтобы послужить предметом словесного состязания в данный момент, сколько на то, чтобы быть достоянием навеки» [Фукидид 1981: 16–17].

В исторических сочинениях Фукидида дан новый тип отображения действительности. Ориентация на проверку и тщательный анализ получаемых фактов, осознанный документализм – эти новые свойства его исторического описания стали большим вкладом в развивающуюся методика получения и обработки актуальной общественной информации.

Общей тенденцией развивающегося античного общества стало постепенное вытеснение документалистикой ярко выраженного мифологизма «из письменных текстов, претендующих на достоверное описание реальности исторической, географической, астрономической, анатомической» [Учёнова 1972: 24].

Описания действительности у Фукидида и других авторов постепенно освобождались от мифологического и фантастического налета. В этом смысле значима оценка, которую дал творчеству Фукидида Жан Виллен: «Можно ли было проявить большее понимание современности, быть более сильно привязанным к своей эпохе и убежденным в безусловной необходимости ее описать, сделать понятной, чем это проявил Фукидид? Его ощущение жизни может быть во многом сравнено с тем, которым исполнены мы. Окрыленный этим ощущением жизни и ответственностью, которую он брал на себя, Фукидид писал свои книги, побуждаемый лишь желанием показать действительность и только действительность» [Виллен 1970: 75].

Обобщая свой опыт прочтения Геродота и Фукидида, мы, вслед за Вилленом, констатируем, что литературный репортаж или литературные произведения репортажного характера появляются и начинают играть значительную роль в те исторические моменты, когда по каким-нибудь политическим и экономическим причинам огромные людские массы, творя историю, приходят в движение, вторгаются в ход событий и для того чтобы иметь возможность действовать разумно, стремятся определить свое место в общественно-историческом и идеологическом процессах. Именно на такое время приходилось творчество таких признанных мастеров репортажа, как Луи Себастьян Мерсье, Эргон Эрвин Киш, Ян Неруда, Линкольн Стеффенс, Эрнест Хемингуэй и т.д.

Глава 2

Полибий: совершенствование методов работы с информацией

Творчество древнегреческого историка Полибия позволяет продолжить разговор о достижениях античной историографии.

Полибий (ок. 200 г. – ок. 120 г. до н. э) – автор «Всеобщей истории» в 40 книгах, один из интереснейших представителей античности, удачно сочетавший в себе качества умелого дипломата, политика, военачальника и объективного, добросовестного летописца. Примечательна его судьба: уже в молодом возрасте он играет заметную роль в дипломатических отношениях между Грецией и Египтом, затем на некоторое время становится одним из лидеров крупнейшего Ахейского союза, участвует в переговорах с агрессорами-римлянами. По завершении 3-й Македонской войны репрессии завоевателей коснулись его лично: почти на 16 лет он отправляется в Рим в качестве заложника в числе 1000 представителей знатных греческих семей.

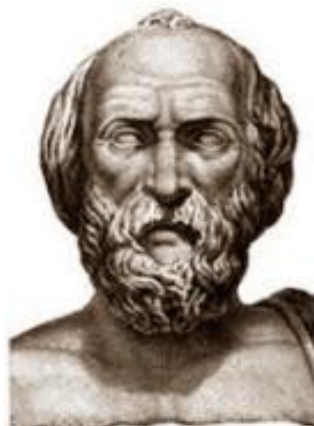

Рис. 3. Полибий

Произошедшее не настраивает его против Рима, но побуждает оценить роль этого государства в общемировых событиях, а дружба со Сципионом Эмилианом, известным римским полководцем, позволяет принять в них участие. Оценки политической деятельности Полибия у современных исследователей существенно расходятся: одни полагают, что он служил национальному делу греков и за это навлек на себя подозрения римлян, другие же считают его блестящим секретным агентом Рима [см., напр., Кошеленко 1982: 72].

Так или иначе, оставаясь патриотом Греции, Полибий стано-

вится сторонником римского государственного устройства как наиболее прогрессивного для его времени; именно последнее явилось для него ответом на стержневой вопрос «Всемирной истории»: «каким образом... почти весь известный мир подпал единой власти римлян в течение неполных пятидесяти трех лет?» (Полибий 1, 2).

«История» Полибия», вдохновленная такой важной целью, явилась оригинальным широчайшим обзором современных ему событий. Автор справедливо оценивает их как *«необычайные»*, поскольку «раньше события на земле совершались как бы разрозненно, ибо каждое из них имело свое особое место, цели и конец. Начиная же с этого времени история становится как бы единым целым» (Полибий 1, 3).

Своеобразие исследуемого материала побуждает Полибия найти *особые методы работы* с ним; автор тщательно обосновывает свою точку зрения, внимательно и хладнокровно отбирая факты и строя причинно-следственные цепочки. Труд Полибия, по оценке как античных мыслителей (Катон Старший, Цицерон, Ливий, Плиний Старший, Юлиан Апостат), так и более поздних исследователей (Т. Моммзен, Р. П. Бузескул, Т. А. Кошеленко, А. Г. Бокщанин) являет собой новый уровень объективности и точности исторического сочинения.

Попытаемся понять, какими новациями обогатил Полибий методику работы с информацией. Современная журналистика, как известно, использует три основных способа получения информации:

- 1) интервью,
- 2) наблюдение,
- 3) изучение документов.

Следует отметить, что античные историографы еще до Полибия прибегали ко всем трем способам. Уже в 5 в. до н. э. «отец истории» Геродот, много путешествуя и общающийся, обращается к первым двум, и не отвергает третьего способа, работая в храмовых

архивах. Бесспорно, критика источников в то время находилась на крайне низком уровне, и в этом отношении «История» Геродота, полная ошибок и неточностей, – истинное детище своего века. Неслучайно Фукидид, чье повествование отличается большей достоверностью, определяет манеру повествования Геродота и его предшественников – логографов, словом «слагать»: увлекательность, занимательность здесь важнее точности.

На возможность знакомства Полибия с трудами Геродота и Фукидида указывает отечественный исследователь Г. А. Кошеленко, полагающий, что последние могли быть использованы им в качестве «сравнительного материала» [Кошеленко 1982: 79], очевидно, для оттачивания собственной методики (конечно, более актуальным в этом смысле было для Полибия сравнение с работами современных ему историков – Феопомпа, Тимея, Эфора).

Для Полибия принципиально важной была надежность и точность в изложении фактов. Это особенно заметно при сравнении разных методологических установок в реализации авторами трех вышеприведенных способов получения информации.

1. Геродот, интервьюируя своих современников, обязывается лишь «передавать все то, что рассказывают», подчеркивая при этом, что «верить всему не обязан» (Полибий 7, 152). Очевидно, отделение истинного от ложного он относил к компетенции читателя, а не своей. Более внимательный к точности повествования Фукидид призывает делать поправку на «предубеждения и силу памяти опрашиваемых» (Полибий 1, 22).

Полибий же, досадуя, что «одному лицу невозможно присутствовать разом в нескольких пунктах», когда «события происходят одновременно в нескольких местах», ставит своей задачей «собирать сведения у возможно большего числа лиц, давать веру надежным свидетелям и умело оценивать приходящие известия» (Полибий 12, 3). Безусловно, достоверность излагаемого при таком подходе воз-

растает. Это требование *проверки получаемой при интервьюировании информации* приближает методику Полибия к профессиональным нормам современной журналистики.

2. Полибий особенно принципиален, когда прибегает к такому способу получения информации, как *наблюдение* (чаще – включенное наблюдение). Первичным здесь является требование *дополнять теоретическое знание об исследуемом предмете практическим опытом обращения к нему*. Обходиться без этого, по Полибию, все равно что «осмотрев картины старых живописцев, вообразить себя самого искусным живописцем и знатоком дела» (Полибий 12, 25e).

Автор справедливо полагает, что «невозможно описать правильно военные события, если не имеешь никакого понятия о военном деле, равно как не может писать о государственном устройстве человек, сам не участвовавший в государственной жизни и государственных отношениях» (Полибий 12, 25d). Полибий, сам опытный военачальник и флотоводец, восхищается картинами морских сражений у греческого историка Эфора и порицает Тимея и Феопомпа за частые ошибки в описании военных действий.

В современной журналистике не утихают споры о том, должен ли автор лично пронаблюдать то событие, о котором пишет, или достаточно реконструировать его по опросу очевидцев. Полибий ясно высказывается на этот счет, полагая, что те авторы, которым недостает собственных наблюдений, непоправимо теряют в *наглядности изложения*. Если они не воспринимали событий в действии, то вряд ли «смогут вызвать и читателей настоящее воодушевление» (Полибий 12, 25h), полагает историк.

3. Совершенствуется у Полибия и методика *изучения документов*. К работе с письменными источниками в храмовых архивах, как уже упоминалось, обращается уже Геродот, однако, как правило, он не подкрепляет своих положений текстом документов.

К необходимости этого приходит Фукидид (см., напр. Фу-

кидид 4. 118; 5, 47; 8, 58), более ценивший точность изложения, но он еще не видит нужды в указании на источник, откуда документ получен. Ближе всего к современным методам профессионального журналистского исследования подошел именно Полибий.

Это видно, например, по тем претензиям, которые он предъявляет к Тимею (последний, как и ранее Фукидид, ограничивался лишь цитированием документов). «Нельзя не удивляться, – пишет Полибий, – почему Тимей не называет нам ни города, в котором был найден документ, ни места, в котором начертанный документ находился, не называет и тех должностных лиц, которые показали ему документ и беседовали с ним; при наличии этих показаний все было бы ясно и в случае сомнений каждый мог бы удостовериться на месте, раз известны местонахождение и город» (Полибий XI, 10).

Следует заметить, что Полибий очень внимателен к точной цифре и дате, что не особенно было принято у античных историков. Геродот, например, конкретных дат каких-либо событий почти не упоминает и порой приводит очень приблизительные или прямо фантастические цифры (пять миллионов воинов в войске Ксеркса). Катон Старший, современник Полибия, признанный зачинателем римской историографии, принципиально не называет никаких дат, имен, и названий населенных пунктов. Полибий же тщательно датирует излагаемое (он придерживается датировки по олимпиадам) и стремится называть как можно более точные цифры. Это имеет значение, например, в военных сценах, где важно понять соотношение сил противников.

Одним из немаловажных аспектов метода Полибия является требование *объективности изложения*.

Он очень неодобрительно отзывался о тех авторах, которых «ослепляет пристрастие» (Филин, Фабий, Тимей). Настоящий исследователь должен оставить в стороне обычные человеческие чувства; стремясь к объективности, он должен порой «превозносить и укра-

шать своих врагов величайшими похвалами, когда поведение их того заслуживает, порицать и беспощадно осуждать ближайших друзей своих, когда требуют того ошибки в их поведении». Сократовское стремление к истине (афинского мудреца относят к числу повлиявших на Полибия) побуждает историка к хладнокровным констатациям, вроде: «невозможно, чтобы люди, занятые государственными делами, были всегда непогрешимы, равно как неправдоподобно и то, чтобы они постоянно заблуждались» (Полибий 1, 14).

Требование объективности, точности изложения («история обращается в бесполезное разглагольствование, раз она лишена истины») тесно связано у Полибия с концептуальным понятием *прагматической истории*.

Лишь к XVIII в. журналистика смогла по достоинству оценить дидактические ресурсы письменного слова, его способность поучать, просвещать; Полибий уже во II в. до н. э. ищет в этом слове *пользу* для читающего. Человек, понявший на примерах прошлого, какие причины к каким последствиям приводят, по мнению Полибия, увереннее чувствует себя в настоящем. Если же история не дает точного знания, т.е. «объяснения тому, почему, каким образом, ради чего совершено что-либо, достигнута ли была предложенная цель», то, по Полибию, «от нее останется одна забава, лишенная поучительности» (Полибий 3, 31).

Тщательный анализ причин и следствий, умение обозначить границы явления и его связь с другими, а также способность представить панораму разнородных событий в некоей целостности, единстве – вот что восхищает у Полибия: «Мы находим, что Антиохова война зарождается из Филипповой, Филиппова из Сицилийской, что промежуточные события при всей многочисленности их и разнообразии, все в совокупности ведут к одной и той же цели» (Полибий 3, 32). Это умение *составить правильное понятие о целом*, увидеть единую картину происходящего – как раз то новое, что, по

нашему мнению, отличает Полибия от предшествующих историков, многие из которых ограничивались простым информативно-хронологическим перечислением фактов и событий.

Очевидно, сам Полибий видит эту разницу, отсюда его ирония: «Есть, однако, историки, ведущие свой рассказ с большей еще краткостью, чем те люди, которые в своих летописях записывают события на стенах попросту в летописном порядке, и такие историки утверждают, что они обнимают все деяния Эллады и варварских земель» (Полибий 5, 33).

В развитии взятого нами жанра от первых логографов, а далее – от Геродота к Полибию, можно проследить эволюцию (отчасти подобную той, которую двумя тысячелетиями позже переживет пресса) – от информативности к аналитичности. Простая хроника событий перерастает здесь в их тематическое обозрение, углубленный комментарий; таким образом возникают предпосылки к жанровому усложнению.

Отечественное литературоведение (Д. С. Лихачёв, М. М. Бахтин и др.) далеко продвинулось в понимании исторических корней жанров. Рождение определенных жанров теории журналистики, в свою очередь, связывают с появлением новых общественных и познавательных потребностей. Так, Л. Е. Кройчик полагает, что возникновение новых жанровых форм в журналистике является результатом определенного «скачка» социальных и экономических отношений, подчеркивая также, что «эволюция жанров напрямую связана с тем, как человек познает окружающий мир» [Кройчик 2000: 135].

Приход Рима к власти над «почти всем известным миром» был очень масштабным и достаточно «необычайным событием» во всех планах. Поэтому Полибию, очевидно, нужно было изыскать новые подходы для оценки и постижения исторической ситуации.

Греческий историк, который будучи патриотом своей родины,

стал при этом и сторонником римского государственного правления, безусловно, столкнулся с необходимостью изменить, скорректировать «отношение к действительности, вид подхода, способ изображения, характер и масштаб обобщений» (слагаемые журналистского жанра по Г. Я. Слоганику, см. [Солганик 1978: 9]), т.е. нащупать основы новой формы изложения. Действительно, Полибий фактически дает прообраз жанра обозрения, собственно рождение которого историки журналистики относят к концу XVIII в.

Попробуем рассмотреть жанровые критерии *обозрения*. Согласно современному определению, для обозрения характерны определенные хронологические рамки, прослеживание события «от зарождения до завершения» [Ворошилов 1999: 69]. Полибий таких рамок строго придерживается, его «История» охватывает период с 264 до 146 г. до н. э. (начало Первой Пунической войны – падение Карфагена), особенно ему интересен период с 220-го по 168-й гг. – пресловутые «неполные 53 года, в течение которых «весь известный мир подпал власти римлян». (И это последнее – установление власти римлян – составляет тематический центр произведения).

Налицо и широта, «панорамность» исследования, и автор действительно выявляет «закономерности как на бытийном уровне, так и в общенациональном, международном, цивилизационном масштабе» [Кройчик 2000: 159], поскольку выявление закономерностей, извлечение уроков из произошедшего – принципиальный момент «прагматической истории».

Автор, как и требуется, «рассматривает факты в их взаимодействии, вскрывает существующие между ними причинные связи, отыскивает в единичном общем» [Борецкий, Цвик 1998: 195]. Выше уже отмечались такие свойства метода Полибия, как повышенный анализ, умение почувствовать целое в массе разнородных событий. Для античной словесности это явилось в определенной мере достижением, новаторством, не случайно отечественный исследова-

тель А. Ф. Тыжов отмечает, что ни у кого из греческих историков до Полибия мы не встречаем настолько разработанной системы причинно-следственных связей [Тыжов 1994].

Таким образом, мы можем обнаружить в труде Полибия многие сущностные черты современного жанра обозрения, за исключением, конечно, разницы в объемах. Огромный объем «отнимает» у произведения Полибия такие важные для журналистики качества, как массовость и оперативность – вряд ли стоит оперативно размножать и предлагать для прочтения массовому читателю произведение в 40 книг! Нельзя также забывать, что современный обозреватель и античный историк имеют перед собой разные цели – первый дает некий моментальный снимок событий, чтобы через неделю, месяц его обновить, второй рисует монументальное полотно, запечатлевает эпоху, что называется, в полный рост.

Однако эта разница, как мы убедились, не исключает известного сущностного сходства! Оно может усиливаться еще и тем, что историография древних вообще брала на себя часть тех функций, которые ныне выполняют в обществе СМИ.

Мы также отметили, какую роль сыграл Полибий в совершенствовании методов обработки информации, повысив требования объективности и точности. Подводя итог всему вышесказанному, мы можем констатировать, что между современной журналистикой и пражурналистскими явлениями древности связь теснее, чем принято полагать, и их выявление должно стать задачей новых исследований.

Глава 3

Ораторское искусство как устная форма публицистики

Термин «устная публицистика» не так давно вошел в научный обиход.

Так, еще в 1972 г. В. В. Учёнова, рассуждая об ораторском искусстве античности, оценивает его как *публицистику до публицистики*.

В то же время исследователь возражает против применения здесь термина «устная публицистика», допуская его употребление лишь в метафорическом, условно-переносном смысле [Учёнова 1972: 12].

По мнению В. В. Учёновой, собственно публицистика связана с массовостью распространения текста, которую может обеспечить лишь его письменная фиксация. Другой же существенный признак публицистики, а именно политическая актуальность содержания, оказывается у исследователя менее значимым.

Взгляд современных исследователей иной, и слово в его устной форме признается не менее важным, чем слово письменное. По-

Рис. 4. Устная публицистика сегодня

этому применение термина «устная форма публицистики» представляется, например, Р. А. Борецкому и В. Л. Цвик вполне оправданным.

Основополагающие признаки публицистики для

исследователей – не «массовость распространения», а «актуальность проблематики и масштаб осмысления событий окружающего мира» [Борецкий, Цвик 1998: 173].

Значение устного слова. В далекие времена роль устного слова была гораздо значимее, чем роль слова письменного. Так, Д. С. Лихачёв, рассуждая о жизни древнерусской общины, показывает, насколько она нуждалась именно в устном слове.

«Еще в период перехода от доклассового к классовому обществу общественный быт требовал устных выступлений: на вече, на сходках старейшин, при переговорах племен или с иностранными государствами, на пиршественных собраниях, на похоронах, тризнах. С краткими, энергичными речами обращались князья и воеводы к своим воинам перед выступлениями в поход или перед началом битвы, подавая им «дерзость» или побуждая к стойкости» [Лихачёв 1952: 91].

Далее Д. С. Лихачёв отмечает значение устного слова как основного «инструмента» политического общения: «...все дипломатические переговоры на Руси велись устно — через устные передачи послов. Русские князья исключительно редко пересылались между собой грамотами. Их вполне заменяли «речи», точно передававшиеся послами...» [Лихачёв 1952: 97].

Рис. 5. Всадник, везущий устную весть

В Древней Греции и Риме устное слово имело не меньшее значение, чем в Древней Руси. Слово же письменное по своей общественной роли (т. е. как инструмент публицистики) к устному даже не приближалось, выступая как помощник последнего.

Письменное оформление использовалось в основном как способ сохранить, не утратить текст. Слово воспринималось тогда лишь

будучи озвученным. Все письменные тексты прочитывались не глазами, а вслух, и желательно – группе слушателей.

Так, философы, даже имея свои сочинения в записанном виде, предпочитали изъяснять свои идеи – ученикам и последователям – вслух, прогуливаясь, во время гимнастических или иных занятий, либо за трапезой.

Трагедии и комедии прежде всего разыгрывались – при стечении народа на крупных праздниках (а уже потом, может быть, записывались).

Эпические и лирические произведения могли быть записаны лишь для того, чтобы затем их распеть или продекламировать прилюдно. (Так, Геродот читал свой труд публично на Олимпийских играх).

Рис. 6. Античный театр

Таким образом, античность, с ее синкретичной, мало дифференцированной деятельностью (как любой общественный строй на раннем этапе развития) явно предпочитала письменной речи устную. Именно на ней лежала основная общественная нагрузка, именно она имела публицистический характер.

Устная речь в античности имела **универсальный, всеобщий характер**. (Всякий гражданин, имеющий право голоса, мог говорить публично). Парадоксально, но одно из следствий этого – то, что литературное творчество, имея по преимуществу устную форму выражения, не воспринималась как обособленный труд, было одной из форм самовыражения гражданина.

Один из распространенных примеров: в эпитафии Эсхилла даже не упоминается, что он был замечательный трагик. Зато отмечаются его заслуги в битвах с персами (именно это полнее характеризует его как гражданина).

В античные времена человека, умеющего говорить красиво, умеющего увлечь слушателей, склонить их на свою сторону, очень ценили.

Особенно большое поле деятельности лежало перед таким человеком в классической «полисной» Греции.

Условия города-государства выдвигали такого человека на первое место в общественной жизни: обладая способностью «глаголом жечь сердца людей», он участвовал в прениях в народном собрании, предлагал свои проекты постановлений и определял, таким образом, направление политического курса полиса.

Рис. 7. Античный оратор

Фактически руководство городом-полисом сосредотачивалось в руках небольшой группы такого рода деятелей. Их называли *демагогами* – «вождями народа». Дебаты в народном собрании, победа в них того или иного оратора имели социальное и политическое значение. От слов оратора зависели важнейшие решения вопросов войны и мира, реформ, людских судеб.

К тому же в античности не существовал, не выделился еще такой социальный институт как суд – в современном его виде.

То есть не было ни государственного обвинителя, ни защитника, ни предварительного судебного следствия. Государство лишь брало на себя роль арбитра – в спорных вопросах. Но инициатива обвинения – даже в уголовных делах – принадлежала частным лицам. Сами тяжущиеся должны были собирать весь необходимый для них материал и излагать его в своих речах. И только от выступающего зависело, убедит ли он слушателей в своей правоте.

Поэтому умение говорить было весьма актуально и оценивалось как своего рода искусство, причем потеснившее в иерархии искусств и драму, и лирику, и эпос.

Софисты

К V в. до нашей эры выделяется полупрофессиональное сословие, представители которого именуют себя *софистами*, или «учителями мудрости».

Софисты были первыми в истории профессиональными специалистами по обществоведению, которые изучали политику и экономику, а также прикладное искусство – риторику, а за плату брались научить этим премудростям любого другого. Именно они составили первые в истории античности грамматики и риторики.

Своим названием (*sophistai* – буквально «мудрствующие», от *sophia* – «мудрость») они, очевидно, и были обязаны этой претензии научить новой, необычной и, как могло казаться, мудреной науке.

Само слово «софист» употреблялось и ранее, и, по-видимому, ему с самого начала был присущ известный иронический оттенок: мудрствующий – в отличие от того, кто просто и безусловно мудр (*sophos*). Можно сослаться на Эсхила, у которого в «Прометее прикованном», в речах прислужников Зевса, слово «софист» дважды встречается в таком именно смысле.

Нам известны по имени, а отчасти и ближе – в фактах их биографий и отрывках из сочинений – многие софисты V в. Зачинателями этого направления были: в Балканской Греции – Протагор из Абдер, а в Сицилии – Горгий из Леонтин. Вслед за Протагором явились Продик с Кеоса, Гиппий из Элиды, Фрасимах из Калхедона, а в Афинах, где, впрочем, протекала деятельность большинства софистов, – Антифонт и Критий.

Софисты исходили в своей деятельности из определенных философских положений. Несмотря на их нередкие расхождения во мнениях, эти положения были во многом схожи.

Они отвергали понятие врожденной добродетели, т.е. полученной как «божественный» или природный дар. Истинная добродете-

тель, считали они, достигается воспитанием, постоянной тренировкой.

Соответственно, любой, кто захочет прибегнуть к их помощи, может научиться – за деньги – «хорошо и убедительно говорить». Их ученики подвергались интенсивному тренингу: сначала речи для разных случаев заучивались наизусть, а затем уже сами ученики учились составлять речи на заданные темы и в заданном жанре.

Рис. 8. Античность: учитель и ученики

Пафос научной доктрины софистов состоял в утверждении первенствующей и все определяющей роли человеческого разума – в этом смысле их творчество было венцом развития античного рационализма. Однако рационалистический пафос софистов был вещью обоюдоострой: утверждая безграничную возможность разума, объявляя ум человеческий главным критерием истины, ...софисты сплошь и рядом переходили черту, отделяющую объективно существующее от субъективно воспринятого и понятого» [Нерсесянц 1979: 89].

Софисты пересматривали существующие положения морали, способы мышления, оспаривали непоколебимые доселе авторитеты – религиозные, этические, философские.

Так, софист Ликофрон отверг благородство происхождения как критерий социального различия, объявив знатность «звуком пустым», поскольку на самом деле люди безродные ничем не отличаются от благородных. Софист Алкидамант шел еще дальше в обосновании этого взгляда и утверждал, что «божество создало всех свободными, а природа никого не сотворила рабом». Другие софисты подвергают сомнению веру в богов.

Так, Протагор, один из известнейших софистов, провозглашал: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, и несуществующих, что они не существуют». Далее он заявляет: «О богах я не могу знать ни того, что они существуют, ни того, что их нет, ибо многое препятствует знать это: и неясность вопроса, и краткость человеческой жизни» [цит. по: Нерсесянц 1979: 161].

Платон писал о софистах: «О богах подобного рода люди утверждают прежде всего следующее: боги существуют не по природе, а в силу искусства и некоторых законов, причем в различных местах они различны сообразно с тем, какими каждый народ условился их считать при возникновении своего законодательства» [Платон 1994b: 347].

Истины как объективной данности софисты не признавали. Она может быть только субъективной, соответственно, не единственной. Повторяя вслед за Гераклитом, что «о каждой вещи можно высказать два противоположных мнения», они считали своей задачей убедить своих слушателей выбрать то из мнений, которое им будет больше подходить.

Рис. 9. Горгий

Так именно было у Горгия, который, отталкиваясь от тех же, по существу, посылок, что и Протагор (т. е. так же исходя, в конечном счете, из убеждения, что единственным критерием истины может быть разум), пришел к последовательному релятивизму. По свидетельству Секста Эмпирика, «в сочинении «О не-сущем, или О природе» он скомпоновал последовательно три главы: первую – о том, что ничего не существует; вторую – о том, что даже если оно и существует, то оно непостижимо для человека; и третью – о том, что если оно и постижимо, то уже во всяком случае невысказываемо и необъяснимо для другого» (цит. по: Фролов 1981: 158).

Из этого Горгий делал вывод о том, что в оценке человеческого поведения не существует никаких внешних мерок, кроме выгоды данного момента. И красноречие для него становится источником убеждающей энергии, не зависящей от предмета, о котором говорится, но заключенном в самих словесных приемах.

Горгию приписывали следующее, чисто формальное определение искусства красноречия: «риторика есть творец убеждения» или «орудие убеждения», а не способ отыскания и передачи истины. Его цель, по Горгию, *обман, создание видимости, иллюзии*. Оно помогает «сделать слабый довод сильным, а сильный слабым».

«Видимость – вот что убеждает внемлющих» [цит. по: Миллер 1983а: 384], – заявляет Горгий. Речь для него как раз средство создания этой «видимости», некое «колдовство», заклинание», которое «завораживает», гипнотизирует слушателя. «При помощи слов боговдохновенные песни-заклинания привлекают наслаждение и отвлекают огорчение. Сила заклинания, соединенная с мнением, душу прельщает, чары же преобразуют ее.

Два дела у колдовства и волшебства: душу оплести и мнение обмануть. Сколькие скольких и во скольком убедили и убеждают лживыми речами! Если бы все обо всем прежнем помнили, о настоящем знали, о будущем догадывались, то не была до такого подобия речь у тех, кому теперь трудно вспоминать прошлое, рассматривать настоящее и предрекать грядущее. Поэтому большинство людей, рассуждая о большинстве вещей, в душе своей руководствуются мнением. И мнение, само обманчивое и неверное, окружает прибегающих к нему счастьем столь же обманчивым и неверным» [цит. по: Миллер 1983а: 384].

В этом отрывке мы видим применение «коронного приема» Горгия (впоследствии получившего название *горгиевых фигур*) – членение предложения на части равного объема, соотнесенные меж-

ду собой смысловым противопоставлением и звуковыми повторами. Именно повторение таких частей гипнотизирует, чарует слушателя.

Нужно отметить, что софистика создала мастерскую технику использования словесных приемов выразительности, звучания и построения речи (метафоры, перифразы, повторения общих мест, и т. д.). И, что особенно важно, именно они первые так заострили внимание на слове как *средстве убеждения, внушения нужного мнения*, умея искусно объяснить человеческие поступки, истолковать происходящее в обществе, человеческой жизни. Не случайно все крупные ораторы и публицисты классической поры были либо сами софистами, как Горгий и Антифонт, либо их учениками, как Лисий, Исократ, Фукидид и др., либо полемизировали с ними (Сократ, Платон, и др.).

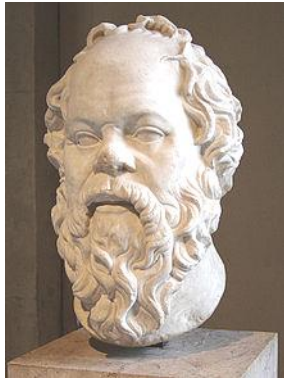
Именно софисты разработали первую концепцию *манипулирования общественным сознанием*.

К софистам «генетически» восходит всякий политический деятель или группа таковых, пытающихся при помощи определенных идеологических концепций повлиять на общественную жизнь своего времени – неважно как – поскольку в насаждении любой идеологической концепции есть элемент зомбирования, гипнотизирования (или, по Горгию, колдовства).

Ведь не все поначалу согласны со взглядами партии, помогающей власти. Однако Гитлеру, Сталину, Марату, Робеспьеру, даже менее зловещим – Рузвельту, Рейгану, Ллойд Джорджу, Тэчер все же удавалось убедить общество в правоте пропагандируемых ими взглядов. Что же касается отношения к ораторскому искусству только как к средству склонить публику к нужному мнению – неважно, верное оно или неверное – то уже во времена софистов существовали и иные его оценки. Речь идет об известнейшем идейном противнике софистов, гражданине Афин Сократе и его кружке, весьма популярном.

Глава 4

Сократ и Платон

Сократ (470–399 гг. до н.э.), один из величайших мудрецов древности, происходил из незнатного рода. Его отец – афинский гражданин Софрониск – был по профессии скульптором, мать Фенарета практиковала как повитуха. Семья Сократа принадлежала, таким образом, к той срединной прослойке афинского гражданства, которая во все времена и ассоциировалась главным образом с понятием народа. Однако средства родителей позволяли дать сыну неплохое по тем временам образование.

Как всякий афинский гражданин, Сократ должен был выполнять определенные повинности. Он трижды принимал участие в военных походах за пределами Аттики во время Пелопонесской войны. Сократ не уклонялся и от более ответственных общественных поручений: в 406 г. он входил в афинский Совет Пятисот и в качестве главы его дежурной части – эпистата пританов – председательствовал в афинском народном собрании, когда там разбиралось пресловутое дело стратегов – победителей при Аргинусских островах.

О гражданском мужестве Сократа свидетельствует и его поведение во время террористического правления Тридцати тиранов (404/3 г.). Оставленный Тридцатью в списке трех тысяч полноправных граждан, он отказался принимать участие в расправах, которыми правители как своего рода круговой порукой хотели связать оставшихся граждан. Когда же несколько лет спустя пристрастный афинский суд приговорил философа к смерти, признав Сократа виновным в идеологическом растлении молодежи, подрыве основ нравственности и в других не менее абсурдных вещах, тот, демон-

стрируя согласие своих действий с проповедуемой им философией, хладнокровно выпил чашу с цикутой – смертельным ядом. Причем до этого, когда Критон, один из богатых друзей Сократа предложил философу бежать, тот остроумно спросил, знает ли он место на земле, где бы можно было спрятаться от смерти?

Сократ являлся одной из центральных фигур греческой словесности «классического» периода. Однако он не был ни крупным оратором, ни софистом, что в те времена было почти обязательно, если человек желал приобрести известность. Его отношение к софистам двойственное: с одной стороны, Сократ восхищался знаниями многих знаменитых софистов, их просветительским пафосом и рационализмом, их готовностью обучать других. Он и сам был некоторое время слушателем софистов, в частности Продика, кеосского учителя, чьи наставления отличались от других софистических теорий высоким моральным пафосом [Корнилова 1998: 75]. Этика Сократа была так же индивидуалистична, как и этика софистов, не случайно исследователь В. Н. Ярхо отмечает: «и Сократ, и софисты выдвигали идеи, явно несовместимые с духом коллективной полисной солидарности и противоречащие патриархальным моральным нормам аттического крестьянства» [Ярхо 1983: 374].

Подобно софистам, отказываясь от традиционного религиозного авторитета, Сократ переносил мерилу оценки человеческих поступков внутрь самого человека. Кстати, некоторые современники, особенно не мудрствуя, отождествляли Сократа с софистами, обычно лукавыми и корыстными учителями. Так, в известной комедии Аристофана «Облака» аттический крестьянин Стрепсиад, чтобы обмануть кредиторов своего сына, отправляется учиться уму-разуму в «мыслильню» Сократа.

Однако такое отождествление было в корне неверно. Прежде всего, Сократ не разделял нравственного и идеологического релятивизма софистов. Если софисты в своем релятивизме провозглашали

относительность нравственных норм, отрицали эталон этики полиса, отвергали однозначность морали, то Сократ искал для утверждения нравственных принципов общий критерий, основанный на рационализме. Добродетель и благо были весьма важными понятиями в этике и философии Сократа. Мудрость, считал он, есть знание добродетели, ее поиски и понимание ее смысла. Истинным красноречием может считаться только то искусство, которое является «прекрасным попечением о душах сограждан, чтобы они стали как можно лучше, бесстрашной защитой самого лучшего, нравится это слушателям или не нравится...» (Платон 1990: 547).

Далее, он считал истину существующей объективно, неделимой и единственной, ни в коем случае не «видимостью», которой можно по желанию придать любой облик. *Проникновение сквозь «внешность» вещей и явлений, стремление постигнуть внутреннее, суть* – вот главные свойства его метода. Хороший оратор, считает он, должен вначале познать истину, занять верное понятие о тех предметах, о которых берется рассуждать, и ни в коем случае не уверять слушателей в «правдоподобии» того, что не является верным.

«Тисий же и Горгий пусть спокойно спят: им привиделось, будто вместо истины надо больше почитать правдоподобие, силою своего слова они заставляют малое казаться великим, а большое малым, новое представляют древним, а древнее – новым, по любому поводу у них наготове то сжатые, то беспредельно пространные речи» (Платон 1993: 177).

Такому красноречию, считает Сократ, «...нет никакой нужды знать существо дела, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки». Сократ же полагает, что для человека «нет зла опаснее, чем ложное мнение» (Платон 1990: 490). Без знания человек совершает ошибочные действия во зло и себе и окружающим. Тех, кто

только освоил приемы построения речи, особенности употребления фигур и метафор, но, не будучи искусственным в человеческой природе и природе вещей, берется поразить душу слушателя, Сократ сравнивает с нерадивыми врачевателями. Такой оратор, считает он, подобен лекарю, который, заучив, какое действие оказывает то или иное лекарство, берется лечить больных, не затрудняя себя правильной постановкой диагноза.

Он расходится с софистами и в вопросе о *предназначении красноречия*. Так, Горгий считает, что оно прежде всего дает как «свободу, так равно и власть над другими людьми, каждому в своем городе» [Платон 1990: 484], ибо красноречие дарует «замечательное удобство: из всех искусств изучаешь только одно это и, однако ж, нисколько не уступаешь мастерам любого дела!» [Платон 1990: 492]. Сократ же сокрушенно отмечает, что современные ему ораторы «гонятся за благоволением сограждан и ради собственной выгоды пренебрегают общей, обращаясь с народом, как с ребенком – только бы ему угодить!» Однако «потворствовать надо лишь тем из желаний, которые, исполнившись, делают человека лучше, а тем, что делают хуже, – не надо...» [Платон 1990: 546–547].

Кроме того, Сократ, одержимый бескорыстным стремлением к истине, порицает обыкновение софистов требовать плату за свои уроки. Сам он решительно от этого отказывался, сравнивая платного учителя с проституткой, которая, взяв деньги, теперь обязана отдаваться тому, кто заплатил. Он не желал раздавать свое время тем, кто платил. Сократ был разборчив в выборе учеников, беседуя лишь с теми, у кого видел признаки *душевной беременности*.

Беседа, диалог «на равных» была у Сократа основным способом обретения истины. То, что современные ученые мужи называют *теорией познания*, формулировалось у Сократа предельно просто. До рождения, будучи по ту сторону земного бытия, каждый из нас знает все, но затем утрачивает. «Но если, – поясняет Сократ в плато-

новском диалоге «Федон», – рождаясь, мы теряем то, чем владели до рождения, а потом с помощью чувств восстанавливаем прежние знания, тогда, по-моему, «познать» означает восстанавливать знания, тебе уже принадлежавшее» [Платон 1993: 30]. Познающий словно бы помогает этому знанию родиться в «этом» мире, где до того рождался сам.

Средством для этого и было *сократовское искусство диалога*, умение задавать провокационные вопросы-«обличения» и вместе приходить к истине. Это искусство он в шутку называл *майевтикой*, т.е. умением принимать роды, по аналогии с ремеслом своей матушки. И беседа для Сократа была тем средством, с помощью которого он способствовал «рождению» истины в голове собеседника и помогал ему (и себе) «разрешиться от бремени мыслей». Майевтика Сократа ставила собеседника в затруднительное положение, заставляла противоречить самому себе, приводила в замешательство.

Но процесс обретения знания был свободен от менторского высокомерия, свойственного «учителям мудрости» софистам: Сократ никогда не ставил себя выше ученика. «Ведь не то что я, путая других, сам во всем разбираюсь, – нет, я и сам путаюсь, и других запутываю. Так и сейчас – о том, что такое добродетель, я ничего не знаю, а ты, может быть, и знал раньше, до встречи со мной, зато теперь стал очень похож на невежду в этом деле. И все-таки я хочу вместе с тобой поразмыслить и поискать, что она такое» [Платон 1990: 588]. Сократ настаивал на том, что в точности и сам еще не знает того, о чем говорит, «я только ищу вместе с вами, и если кто, споря со мною, найдет верный довод, я первый с ним соглашусь» [Платон 1990: 550]. «Я знаю, что ничего не знаю» – было основным принципом сократовского скептицизма.

К несомненным достижениям Сократа, отличавшим его метод от метода софистов, следует назвать его идею о необходимости учитывания специфики той аудитории, к которой обращается говоря-

щий (то, что нынешние исследователи называют *теорией восприятия Сократа*). Софисты полагали, что для успеха речи, для того, чтоб она имела «завораживающий» эффект, главное, что нужно сделать, это тщательно ее выстроить. Сократ же полагает, что к этому нужно добавить знание о «душе», т.е. о психологии своих слушателей (диалог «Федр»): «Кто не учтет характеры своих будущих слушателей, кто не сумеет различить существующее по видам и охватить одной идеей все единичное, тот никогда не овладеет мастерством красноречия... [Платон 1993: 185]. «Поскольку сила речи заключается в воздействии на душу, тому, кто собирается стать оратором, – полагает он, – необходимо знать, сколько видов имеет душа: их столько-то и столько-то, и они такие-то и такие-то, поэтому слушатели бывают такими-то и такими-то. Когда это должным образом разобрано, тогда устанавливается, что есть столько-то видов речей и каждый из них такой-то. Таких-то слушателей по такой-то причине нелегко убедить в таком-то такими-то речами, а такие-то потому-то и потому-то с трудом поддаются убеждению» [Платон 1993: 182].

Возможно, именно упоминавшейся уже сократовской скромностью объясняется нежелание письменно фиксировать свои философские размышления. Здесь его можно уподобить Иисусу Христу, который, очевидно, отказывался записывать положения своего учения вовсе не из-за того, что не умел писать. Поскольку Сократ принципиально ничего не писал, его идеи дошли до нас через его учеников. По аналогии с близкими учениками Христа их можно назвать апостолами Сократа, это Платон и Ксенофонт, а также некоторые другие. Многие из его учеников прославились: *Платон*, организовавший собственную школу и явившийся основоположником крупного философского течения, *Антисфен*, возглавивший школу киников, *Аристипп*, явившийся родоначальником философского гедонизма, *Ксенофонт*, ставший известным историком. *Исократ*, известная фигура классической античной словесности, чья школа со-

перничала со школой Платона, тоже посещал занятия сократовского кружка.

При этом самому Сократу вовсе не нужно было славы, известности. Удовольствие ему приносил сам процесс поисков истины в спонтанных беседах с друзьями, знакомыми, учениками. В каком-то внешнем ее оформлении у него не было потребности.

Внешнее у него часто отступало на второй план. Он был неприхотлив в еде и питии. Одевался он очень скромно, порой забывая, что одежду нужно стирать и латать на ней прорехи. Даже зимой он ходил босой. Внешность Сократа сравнивали с внешностью сатира: он был пузат, кривоног, курнос, толстогуб, над крупными выпученными глазами нависал огромный лоб, осененный значительной лысиной. Его голова своими размерами напоминала пивной котел. Несмотря на это он, на зависть многим, пользовался любовью афинской молодежи.

Вокруг него, когда он прогуливался по Афинам, постоянно собиралась молодежь – посмотреть на него, послушать его, поспорить с ним. Сократ был очень популярен среди соотечественников.

Его речения всегда слушались с большим вниманием, они очень увлекали публику. Вот как Алкивиад, герой платоновского диалога «Пир», описывает эффект, производимый на него речью Сократа: «Когда я слушаю его, сердце у меня бьется гораздо сильнее, чем у беснующихся корибантов, а из глаз моих от его речей льются слезы; то же самое, как я вижу, происходит и со многими другими. Слушая Перикла и других превосходных ораторов, – продолжает Алкивиад, – я находил, что они хорошо говорят, но ничего подобного не испытывал, душа моя не приходила в смятение... А слушая его или его речи в чужом, даже очень плохом пересказе, все мы, мужчины и женщины, и юноши, бываем потрясены и увлечены» [Платон 1993: 126].

Безусловно, беседовать, спорить с Сократом было не менее интересно, чем его слушать. Именно в беседах с горожанами и рождалось новые истины и новая методика познания. Причем процесс этот был совместным и отнюдь не легким.

Здесь видно отличие Сократа от предшественников: он умел сталкивать противоположные взгляды. Во времена Сократа состязание в речах с выбором победителя называлось *эристикой*. Этот жанр не нов для греческого искусства, его примеры мы находим в драмах, исторических сочинениях Геродота и Фукидида. Часто к нему прибегали и софисты, именно как к соревнованию, где побеждала точка зрения наиболее красноречивого оратора. Сократа же интересовала не победа в споре, а выяснение истины в равноправном диалоге, где он был одним из участников. «Диалектика Сократа представляла собой *философское* искусство вести рассуждение, в то время как *эристик (софист)* любой ценой отстаивал свою правоту и возражал против иной точки зрения только потому, что она иная» [Корнилова 1998: 78]. Конечно, его роль в спорах достаточно важна – он направлял диалог, давал идее вызреть, оформиться, т.е. был «повивальной бабкой истины». Однако к началу беседы он, как правило, не имел какого-то предвзятого, уже сложившегося мнения, которое во что бы то ни стало пытался доказать (как это делали софисты).

Эти беседы с Сократом его ученики старались записывать по памяти. Так родился новый литературный жанр «сократический диалог». Его примеры в том или ином виде мы находим в античности (Антисфен, Ксенофонт, Платон, Менипп, Лукиан и др.). Ему многим обязана и последующая европейская литература – Рабле, Сервантес, Эразм Роттердамский, Мольер, Дидро, Филдинг, Достоевский, Конрад, Грэм Грин и т.д.

Важно, что Сократ стал предтечей таких жанров современной журналистики, как *интервью, беседа, дискуссия, ток-шоу*. Разбе-

рем, какие генетические связи соединяют эти жанры с сократовской майевтикой.

Интервью. Важными чертами современного интервьюера (журналиста, берущего интервью) являются общительность, коммуникабельность, умение понять другого человека, «настроиться» на его восприятие. Согласно современным определениям, интервью – это жанр, который излагает событие, передает информацию в диалогической форме. Его особенностями являются: вопросно-ответная форма, доступность и живость изложения [Борецкий, Цвик: 183–185]. Этими чертами он приближается к диалогам Сократа и его учеников. Разница есть в том, что в случае с интервью в позиции ученика выступает журналист, т.е. вопрошающий (хотя Сократ в диалогах считал, что и сам, задавая вопросы, многому учится). Так или иначе, истину они ищут все равно вместе.

Беседа и дискуссия. Здесь также центром внимания участников является тема, интересная всем, поэтому каждый здесь стремится высказаться, поспорить. При этом предполагается, что беседующие или спорящие в ходе обсуждения темы придут к какой-то общей точке зрения, выведут какую-то важную для себя истину.

Здесь также важен сам процесс формирования мысли: ее рождение, развитие, движение к определенным выводам [Борецкий, Цвик 1998: 197]. То есть, в отличие от информационных жанров, истина тут не задается, не постулируется как факт: это или другое есть или произошло. Она выводится из столкновения противоположных мнений, когда выбирается наиболее оптимальная точка зрения; как и в случае с сократовским кружком, важно равноправие участников [Тертычный 2000: 115].

Ток-шоу. Этот жанр сочетает в себе черты интервью, игры, дискуссии и, как и в случае с Сократом, происходящее во многом концентрируется вокруг личности ведущего [Борецкий, Цвик 1998: 198]. И тут бывают важны именно его интеллектуальные качества:

обаяние, ум, находчивость, умение внимательно слушать собеседников, принимать чужую точку зрения, находить в ней сильные и слабые места, провоцировать дискуссию и формировать конечные выводы.

Поэтому современные телеведущие, такие, как Ю. Меньшова, В. Пельш, В. Познер, У. Отт и др., могут вполне воздать должное Сократу, давшему толчок такого рода явлениям.

Рис. 11. Платон

Платон (427–347 гг. до н.э.). В отличие от Сократа, он не был «демократического» происхождения: его отец вел свой род от аттического царя Кодра, а мать – от самого Солона, известного мудреца. Его настоящее имя – Аристокл, а «Платон» – прозвище, означающее «широкий». Нужно сказать, что это прозвище очень значимо: широта Платона – не только телесная, но и духовная.

Человек разносторонне одаренный, Платон, по мнению исследователей, воплощает традиционные представления греков об идеальном сочетании в человеке физической и нравственной красоты (принцип калогатии).

Он был атлетом, подвизался в музыке и живописи, поэзии и драматургии. Он много путешествовал, пробовал себя в политике (едва не погибнув в политической борьбе, когда пытался воплотить в жизнь свою теорию идеального государства).

Но главным его увлечением стала философия. Двадцатилетним юношей он повстречался на афинской улице с Сократом, и эта встреча определила всю его жизнь. Платон стал самым известным учеником Сократа, перенявшим многие его идеи. Он стал первым известнейшим популяризатором жанра диалога.

Диалоги Платона. Главным действующим лицом диалогов является Сократ. Теперь уже невозможно отделить настоящие мысли Сократа от той интерпретации, которую давал им Платон. Причем исследователи отмечают, что чем позднее рождается у Платона диалог, тем менее Сократ соответствует своему реальному прототипу. В поздних диалогах устами Сократа Платон высказывает уже во многом собственные мысли.

Из платоновских диалогов мы черпаем не только интересные философские идеи, но и сведения о политической, социально-бытовой, культурной, сексуальной проблематике Афин и Греции V–IV вв. до н.э. Диалоги поднимаются до зарисовок сценок афинской жизни, запечатлевают живой облик эпохи, реальных исторических лиц – драматурга Аристофана, софистов Протагора, Горгия, Фрасимаха, Гиппия и др. (уже в этом можно обнаружить сильное журналистское начало).

Зарисовки Платона отличаются живостью: мы видим, как держат себя участники диалога. Они смущаются, насмеваются, робеют, раздражаются. Они беседуют в частном доме, в палестре (спортзале), на улице, в роще, на берегу реки.

Изображение отличается большой напряженностью и динамизмом. Платон использует эффекты неожиданности и резких поворотов. Ход разговора может замедляться, натываясь на какую-то задержку, его продолжение воспринимается как преодоление препятствия, как выход из затруднения.

Обычно диалог начинается со встречи двух приятелей. Они обмениваются новостями, разговаривают, затевается спор, к которому присоединяются другие участники, и вот праздные болтуны превращаются в идеологов, носителей разных мнений. Бытовая сценка служит своеобразным фоном для обсуждающейся философской проблемы; поиск выхода из затруднительного положения выглядит как эпизод сценки.

Каждый из диалогов воспринимается как нераздельное целое, в котором аналитически можно вычлениить две части: развивающуюся, становящуюся идею и эпизод из жизни героев, с которым она намертво срастается.

В отличие от современных теле- и радиожанров тут не предполагается заранее заданных условий для беседы, таких, как круглый стол, телекамеры, микрофоны. Происходящее воспринимается как кусок настоящей жизни, тут нет ни капли нарочитости.

Как утверждал Цицерон, Платон первым ввел диалогическую прозу в обиход древнегреческой словесности. Философ разделяет мнение своего учителя (диалог «Федр»), о том, что не позорно сочинять речи, но позорно говорить и писать плохо [Платон 1993: 167]. И в более поздние литературные эпохи писателям не всегда удавалось так естественно сочетать идеологию своих произведений с системой образов, с действиями, размышлениями, переживаниями своих персонажей. В этом Платон предстает как мастер, как умелый художник.

Школа Платона и отношение к софистам. Оформление идей Сократа в виде диалога было важно для Платона не только само по себе, но и как своеобразный инструмент воспитания и обучения. Еще будучи молодым, он открывает свою знаменитую философскую школу, названную Академией. (Академом звали героя, которому был посвящен гимнасий – место проведения занятий). Школа Платона была одним из двух крупнейших всегреческих центров образования (второй известнейшей школой была школа ученика софиста Лисия *Исократ*). Позже бразды правления Академией Платон передает *Аристотелю*, своему знаменитому ученику, всего же школа просуществовала девять веков, а ее название стало нарицательным именем. Главными целями обучения, в соответствии с заветами Сократа, было привить ученику стремление к поиску истины и воспитать настоящего, добродетельного гражданина.

Платон-педагог отличался от Сократа своим отношением к софистам. Если для Сократа, который отчасти являлся их учеником, они были лишь неважными учителями и лукавыми ораторами, то для Платона и его школы они все больше превращаются в соперников и врагов. В диалоге «Софист» Платон продолжает сократовскую линию разоблачения моральной беспринципности ремесла софистов, утверждая совсем в духе учителя, что «всякая душа заблуждается во всем не по доброй воле» [Платон 1993: 290]. Поздний Платон далек от сократовского добродушия. Он развенчивает принципы софистики, которую он не может определить иначе, как искусство, «творящее призраки». Софист есть само творящее призраки лицо, призрачное искусство которого и называют обычно подражанием [Платон 1993: 343]. К тому же софист – это подражатель, без знания того, чему подражает, поскольку его подражание основывается не на знании, а на мнении [Платон 1993: 343–344]. Он – сознательный лицемер, далекий от каких-либо государственных и общественных целей, он – человек, намеренно извращающий мудрость и запутывающий своего собеседника в искусных противоречиях [Платон 1993: 344–345].

Платон называет софистику «искусством обманщиков и шарлатанов» [Платон 1993: 307], а софистов – обладателями «мнимого знания» [Платон 1993: 297], которые «способны лицемерить всенародно, в длинных речах, произносимых перед толпою», а «в частной беседе с помощью коротких высказываний заставляют собеседника противоречить самому себе» [Платон 1993: 345]. С этого времени «начнется война между философами и риторами, конца которой античный мир не увидит» [Корнилова 1998: 87].

Опираясь на сократовские послышки, Платон разрабатывает учение об *эйдосах*, или *идеях* – вечных совершенных субстанциях, своего рода образцах для всех вещей и явлений. С их наличием он связывает представление об *истинном бытии*: каждая вещь

настолько совершенна, насколько приближается к этому образцу, т.е. к своей идее («Пир», «Федр», «Федон», «Государство»). Именно существование эйдосов было основным аргументом в споре с софистами: как же истина может быть субъективной, множественной или мнимой, если «объективно» существует один-единственный ее идеальный прообраз?

Идеальное государство и информационные процессы. Убеждение в существовании *идеи государства* стало результатом того, что Платон сыграл немалую роль в формировании жанра политической утопии («Государство», «Законы») и антиутопии («Критий»), прославившись еще и как политический мыслитель и социальный пророк. Творец политических мифов – он образец позднейших публицистов и политологов от эпохи Возрождения до XX века. Считая, что постиг идею государства, Платон предлагает проект совершенного, идеального общества, в соответствии с которым и предлагает изменить современные ему социальные реалии. Он был современником заката афинской демократии, когда стали проявляться худшие ее черты: отсутствие мобильности, неспособность к принятию быстрых, однозначных решений в условиях, когда власть принадлежит не одному, а многим. Социально-политическая мысль того времени начинает двигаться от прославления демократии к необходимости принятия единовластия, как более надежной государственной модели.

К тому же, «как человек аристократического происхождения и воспитания Платон отрицал социальное устройство, при котором все зависит от решения черни, подпавшей под влияние искусной лести ораторов и софистов. Последние, заботившиеся не об истине, но о влиянии, не о добре, но об удовольствии, вели государство к гибели... Платону совершенно очевидно, что ораторское искусство неспособно в течение продолжительного времени управлять государ-

ством к его благу, и совершенно неправилен тот строй, который отдает власть в руки красноречия» [Корнилова 1998: 89].

Во главе государства, по мнению Платона (диалог «Государство»), должны были стоять *философы*, которых отличала «правдивость, решительное неприятие какой бы то ни было лжи, ненависть к ней и любовь к истине» [Платон 1994а: 263]. Целью нового общества, полагает Платон, должно стать не чье-либо личное, но исключительно общее благо. Однако при построении такого общества вряд ли можно обойтись без насилия, и возникающая у Платона картина напоминает тоталитарные государства XX века, а где-то и превосходит их в жестокости по отношению к культуре и отдельным личностям: «...закон ставит своей целью не благоденствие одного какого-нибудь слоя населения, но благо всего государства. То убеждением, то силой обеспечивает он сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть полезны для всего общества». Выдающихся людей он включает в государство не для того, чтобы «предоставить им возможность уклоняться куда кто хочет, но чтобы пользоваться ими для укрепления государства» [Платон 1994а: 301].

Для нас в его утопии интересно, как он предполагает организовать в своем идеальном государстве информационные процессы. В таком государстве неизбежно возникает необходимость монополии на истину, для того чтобы ничего не могло помешать процессу воспитания идеального человека. Ради этой высокой цели, полагает он, можно и пренебречь свободой слова. Платон говорит о необходимости замалчивания невыгодной информации. Он полагает, что нельзя говорить о слабостях и недостатках богов и героев, так как это внесет смуту в воспитание духовно неокрепшего существа, не могущего судить о том, что верно, а что нет, и создаст «неблагожелательные примеры для подражания». Далее, Платон «достаточно последовательно творит государственную религию и мусические искусства,

изгоняя враждебные мифологию, Гомера и трагиков, различные формы публицистики – все, что могло хоть как-то потревожить процесс воспитания искусственных людей... Платон отказывал тем или иным великим поэтам, историкам и риторам в возможности оказывать влияние на процесс воспитания граждан Государства, не находя в их произведениях морального урока, который могла бы извлечь из чтения молодежь» [Корнилова 1998: 88]. Все это задумывается, исходя из мысли, что информация должна нести положительное начало, поддерживающее уверенность личности в стабильности общественных отношений.

Свою позицию он поясняет так: «И поэты, и те, кто пишет в прозе, большей частью превратно судят о людях; они считают, что несправедливые люди чаще всего бывают счастливы, а справедливые – несчастны; будто поступать несправедливо целесообразно, лишь бы это оставалось в тайне, и что справедливость – это благо для другого человека, а для ее носителя она – наказание. Подобные высказывания мы запретим, и предпишем и в песнях и в сказаниях излагать как раз обратное» [Платон 1994а: 156]. В другом своем диалоге («Законы») Платон заявляет, что «государство должно беспрестанно петь для самого себя очаровывающие песни». Эти «очаровывающие песни» не должны быть монотонны, поэтому надо «постоянно видоизменять и разнообразить песни, чтобы поющие испытывали удовольствие и какую-то ненасытную страсть к песнопениям» [Платон 1994б: 156]. Такова (по Платону) роль идеологической функции государственной пропаганды для жизнедеятельности социума.

Не сумев воплотить свои идеи в Афинах, Платон в 366 г. до н.э. едет в Сицилию, одержимый желанием увлечь своим проектом местного тирана *Дионисия II*. Цели своей он не достигает, более того, едва не погибает в политических столкновениях. В дальнейшем политическая деятельность Платона находит свое выражение в пе-

реписке с участниками аристократического мятежа в той же Сицилии. Мятеж этот возглавил в 358 г. до н.э. ученик Платона *Дион*. И здесь Платон стремится воплотить свой проект идеального государства и снова не достигает успеха.

Платон – один из последних представителей синкретического «преднаучного» мышления. Логическая аргументация может перемежаться у него с апелляцией к художественно обработанным мифам как к равноправному доказательству своей концепции. Он не разделяет философию и риторику, а также не мыслит их без воплощения в социально-политической конкретике своего времени. Если более поздние утописты (Кампанелла, Т. Мор, Фурье, Сен-Симон) не настаивали на немедленной реализации своих идей, то для Платона слово, мысль не существует как теоретическое, «бумажное» знание, но обязательно нуждается не только в публичном озвучивании, но и воплощении в жизнь. Ученик Сократа Аристотель стал первым с точки зрения Нового времени полноправным представителем науки в строгом смысле слова, выступив не только как систематизатор знаний своих учителей, но и как оригинальный исследователь, чьи находки на грядущие тысячелетия определяют направление теоретической мысли.

Глава 5

Аристотель: роды искусства и виды СМИ

Аристотель (384–323 гг. до н.э.) – известнейший ученик Платона, основоположник формальной логики, по выражению Ф. Энгельса, «самая универсальная голова среди философов». Кроме всего прочего, известен тем, что девять лет воспитывал Александра Македонского, полководца, с чьих завоеваний началась новая эпоха в античной истории – эпоха эллинизма.

Рис. 12. Аристотель

После смерти Платона Аристотель основал в Афинах собственную школу, которая называлась Ликей, поскольку была расположена вблизи храма Аполлона Ликейского.

В отличие от своего учителя, Аристотель не оставил сколько-нибудь заметного следа в публицистике и политике. Прежде всего он был силен как теоретик. Аристотель во многом преодолел тот поэтический синкретизм, который отличал работы его учителя. Он решительно отграничил науку от мифа и искусства, и разделил знания о мире на теоретические и практические.

К *теоретическим* он отнес знания об универсальных истинах, вечных законах мира. Это была область таких наук, как математика, физика, метафизика.

К *практическим* он отнес знания о человеческой деятельности, правилах поведения, речи, искусства. К таким наукам он причислил этику, политику, риторику.

Двумя самыми известными его работами в области словесности являются *«Поэтика»* и *«Риторика»*. «Риторика» имела большое значение для античной публицистики. Современные исследователи также продолжают считать ее надежным руководством по совершенствованию ораторского профессионализма. Здесь он дает обоснование ораторского искусства как особого вида деятельности, цель которой – воздействовать на людей. В этом сочинении Аристотель выделил 3 вида речей: *совещательные*, или политические, *эпидейктические*, или торжественные, и *судебные* (самые распространенные, но заимствующие свои приемы у первых двух). Интересно, что область проблем, которых касались в то время политические ораторы, Аристотель сводит к пяти пунктам: *финансы, война и мир, защита страны, ввоз и вывоз продуктов и законодательство*. Можно заметить, что современные политические комментаторы заняты примерно тем же кругом проблем.

В «Риторике» он также показывает способы достижения наибольшей убедительности, рассуждая о содержании, построении и стиле речей: «Что касается способов убеждения, доставляемых речью, то их три вида: одни из них находятся в зависимости от характера говорящего, другие – от того или иного настроения слушателя, третьи – от самой речи».

«Поэтика» Аристотеля оказала большое влияние на литературу и эстетическую мысль Европы, особенно в такие периоды как Возрождение и классицизм, когда важным критерием произведения считалась его близость к античным канонам. «Поэтика» содержит формулировку драматических правил, теорию стилей, а также характеристику родов искусств.

Эта характеристика оказывается неожиданно актуальной для нашего времени, причем и для литературы, и для журналистики. Аристотель, классифицируя словесное искусство по способу подражания действительности, выделил 3 поэтических рода: *эпос, лирику*

и *драму*. «Подражать ...можно, рассказывая о событии, как о чем-то отдельном от себя, как это делает Гомер, (*эпос* – А. П.) или же так, что подражающий остается самим собою, не изменяя своего лица (*лирика*), или представляя всех изображаемых лиц как действующих и деятельных (*драма*)» [цит. по: Введение в литературоведение 1988: 391].

Это разделение, в свое время поддержанное Гегелем и Белинским, неоднократно критиковалось, разбивалось в пух и прах, но тем не менее сохранило важность до наших дней, преподаваясь до сих пор как одна из литературоведческих аксиом. Как справедливо подчеркивает автор учебника «Теория литературы» В. Е. Хализев, «Роды литературы как типы речевой организации литературных произведений – это *неоспоримая надэпохальная реальность, достойная пристального внимания*» [Хализев 1999: 295]. Безусловно, это разделение имеет значение не только для какого-то определенного исторического периода или вида словесности. Очевидно, оно, так долго не теряющее своей актуальности, отвечает неким глубинным потребностям в человеческой психологии и мировосприятии.

Сегодня, в эпоху массовой культуры и массовой коммуникации, известные нам СМИ образуют «*новую глобальную версию искусства слова*». СМИ берут на себя не просто функцию неких фиксаторов и трансляторов фактов действительности, но «*создают образ происходящего, создают образную картину мира*» [Прозоров 2000: 8]. Исследователи журналистики все более уверенно заявляют о том, что журналистика как форма отражения действительности развивается по тем же законам, что и художественное творчество в целом. Сегодня все смелее просится на язык мысль, прежде звучавшая крамольно, – о том, что СМИ, сместив литературу с трона короля искусств, стали приближаться к ней по своим функциям.

То, что современные СМИ, совместно творящие некий огромный метатекст, обладают такой преемственностью по отношению к

другим формам словесности, отмечал еще в конце 1960-х гг. Г. Д. Гачев: «...если мы с точки зрения древних жанров глянем на журналистику, то увидим, что те жанры, которые творились устной молвой, теперь во многом переняты прессой» [Гачев 1968: 80].

Современные теоретики словесности, работающие на стыке журналистики и литературы, приходят к еще более смелым, но не лишенным убедительности выводам. Так, Валерий Владимирович Прозоров из Саратовского госуниверситета, пересматривая общую концепцию филологии и ее составляющих, соотносит аристотелевские роды искусства с видами СМИ. Соответственно, эпос сопоставляется с печатной журналистикой, лирика – с радиожурналистикой, драма – с журналистикой телевизионной.

Газетная и журнальная периодика рассматривается ученым как *эпическая стихия*. «Спрос на эпическое сознание не исчез, ...но обрел новую форму массовой прописки...Новое место прописки эпоса – пресса, ...эпопея нашего времени есть газета» – утверждает В. В. Прозоров [Прозоров 2000: 11].

Главный объект эпического, а вместе и «газетного» интереса – *со-бытие*, повествование о происшедшем, размышления над сущим и преходящим. Пресса подпадает под основные характеристики эпоса, для которого характерны «многосторонние и разнообъемные обращения к событиям несхожих масштабов, их отображение и осмысление, ...в принципе неодолимая временная дистанция между фактом закрепленной на письме речи и предметом обсуждения». Эпос – «это воспоминание того, что имело место ранее; это, стало быть, преобладающая грамматическая форма прошедшего времени и это преимущественный рассказ от третьего лица» [Прозоров 2000: 11].

Стихия эпоса – внешний объективный мир, «пластически определенный», который, как сказал В. Г. Белинский, «развивается сам собою», а его автор является «как бы простым повествователем

того, что совершилось само собою» [цит. по: Введение в литературоведение 1988: 150]. Высшее выражение газетного дела, качественная пресса также предписывает журналисту оставаться в описании происходящего на позиции «простого повествователя» – констатировать факты хладнокровно, беспристрастно, объективно, всегда отделять их от комментария, т.е., пользуясь словами Аристотеля, «рассказывать о событии, как о чем-то отдельном от себя».

Что касается *радиотекста*, то он, обращаясь к звуковому восприятию, преобразаясь доверительными интонациями дикторского голоса, очевидно, играет в массовом восприятии *роль лирики, а радио*, как СМИ, в свою очередь, близко к ней по своим функциям. По определению В. Е. Хализева, «лирическая поэзия способна непринужденно и широко запечатлеть пространственно-временные представления, связывать выражаемые чувства с фактами быта и природы, истории и современности, с планетарной жизнью, вселенной, мирозданием» [Хализев 1999: 134]. Радиотекст перенимает основные параметры лирики «передачу настроений, состояний, переживаний «от первого лица», обращающих слушателя в настоящее время» [Прозоров 2000: 12].

Объективное, внешнее тут тоже присутствует, но опосредованно, оно, по выражению В. Г. Белинского, «претворено в кровное достояние субъекта» [цит. по: Введение в литературоведение 1988: 153], т.е. мы воспринимаем его через голос диктора, настраивающий на сопереживание, соучастие, сочувствие. Радиоголос больше расположен к субъективности, исповедальности и откровенности, чем к бесстрастности и объективности.

Радиожурналистика, по мнению В. В. Прозорова, «взялась активно использовать неисчерпаемые лирические резервы голосовой коммуникации. Радиороду присуща особая откровенность, чувствительность, доверительность: мы не видим, но лишь слышим, – угадываем говорящего, и речь его обретает чрезвычайную эмоциональ-

но-экспрессивную и укрупненно-смысловую направленность. С древних времен вся эта гамма интонационных, семантических и других характеристик принадлежит лирическому роду высказываний» [Прозоров 2000: 12].

Особенно близка к лирике, как нам представляется, именно современная формула радиовещания, предполагающая самый минимум информационных сводок (т.е. вторжения эпической стихии), и максимум музыки, когда промежутки между песнями заполняются непродолжительными монологами и диалогами знакомых диджеев. Еще Белинский отмечал, что «лирическую поэзию можно сравнить только с музыкою», причем слова звучащей песни могут быть лишены значения (как сейчас для многих «неанглоговорящих» лишена значения большая часть музпродукции). Однако «песни удерживаются в памяти народа не содержанием своим, ...но музыкальностью звуков, образуемых соединением слов, ритмом стихов и своим мотивом в пении» [цит. по: Введение в литературоведение 1988: 152].

В свою очередь, *телевидение* ближе всего стоит к *драме*. Здесь все лица, пользуясь все тем же классическим определением Аристотеля, «действующие и деятельные». Телевидение – самое динамичное, активное (даже интерактивное) СМИ. Как и драма, оно ориентировано прежде всего на зрительное восприятие. Как и в драме, основа здесь – конфликт, постоянное столкновение и диалог противоборствующих начал. Как полагает В. В. Прозоров, «телевидение – самое остроконфликтное из всех СМИ... Его стихия – дискуссии, диспуты, споры, ссоры, телемосты, круглые столы, репортажи с места событий, теледебаты, прямые телефонные линии, поединки-баталии: друг с другом – партнеров на экране, ведущего телепередачу – с нами, зрителями. Его стихия – pro и contra» [Прозоров 2000: 13].

Мы видим, что попадая в «зону влияния» телевидения, драматизируются и привнесенные элементы других жанров. Так, песня,

лирический жанр, нарочито драматизируется, так как к ней придумывается видеоряд: видеоклип предполагает драматизацию песенного сюжета, иначе его просто скучно смотреть. Драматизируется и роман, изначально эпический жанр, в своей кинотелеверсии: длинноты в описаниях, размышлениях и переживаниях часто опускаются, внимание режиссера прежде всего сосредоточивается на зрелищных, динамичных сценах.

В. В. Прозоров констатирует: «телевидение сегодня – это род древнего, целостного, синкретического искусства драмы с ее постоянной обращенностью к будущему (к наступающему, к приближающемуся) времени, с ее цепью диалогов и монологов, которые... пронизаны необыкновенной диалогической энергией, с ее быстротой реакции, максимально непосредственным воспроизведением действия, с тяготением к яркой, внешне эффектной подаче изображаемого» [Прозоров 2000: 13].

Безусловно, границы трех родов словесного искусства размыты и непостоянны, и, как признают теоретики, принципы их выделения до сих пор остаются во многом дискуссионными. Однако очевидно, что некие общие глубинные основания каждого рода еще в античные времена Аристотель смог установить, и его классификация не потеряла актуальности по сей день не только при обращении к литературе, но и при обращении к «метатексту» СМИ.

Глава 6

Исократ

Исократ (436–338 гг. до н.э.). Родившись в 436 г. до н. э., он был примерно лет на восемь моложе *Ксенофонта* и почти на столько

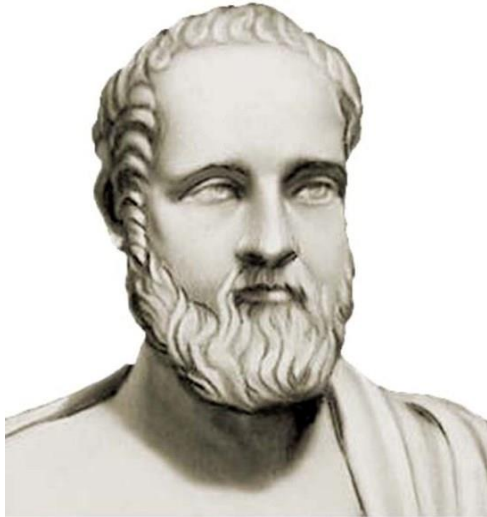

Рис. 13. Исократ

же старше *Платона*. На его становление повлияли такие известные софисты, как *Горгий* и *Лисий*, чьим учеником, по утверждению древних авторов, он являлся. Очевидно, что не менее сильным было воздействие на Исократ со стороны *сократовской философии*.

Он лично был знаком с *Сократом* (что следует, например, из платоновского диалога «Федр»). Его, правда, нельзя назвать ни учеником, ни последователем Сократа, но Исократ многим был обязан ему и его школе, и прежде всего самим своим стремлением внести в риторику этический момент, сделать из нее орудие политического и нравственного воспитания.

Исократ (как Ксенофонт, Фукидид, Демокрит, Платон и Сократ) жил в эпоху распада афинской демократии, утраты привычных моральных ценностей. В это беспокойное время риторика, философия и публицистика оттеснили на второй план традиционные словесные искусства – эпос, лирику и драму. И выбор Исократа в пользу более «общественно востребованных» искусств был понятен: он желал внести свой вклад в оздоровление политической и общественной ситуации в своей стране. Начав как наемный автор для написания судебных речей, Исократ позже открывает собственную риторическую школу, которой он отдал более полувека жизни. Обучение в школе Исократа продолжалось три-четыре года и обходи-

лось весьма недешево. Однако, его школа, наравне со школой Платона, была *крупнейшим всегреческим центром образования*. Ее выпускниками были известные ораторы *Исей, Ликург, Гисперид*, историки *Андротион, Эфор, Феопомп*, политические деятели и полководцы *Тимофей, Леодамант, Клеарх*.

По слабости голоса и отсутствию желания к публичным дрязгам сам Исократ, в отличие от Демосфена, никогда не стремился стать оратором. Как он признавался, «...нет у меня ни достаточно сильного голоса, ни смелости, чтобы обращаться к толпе, подвергаться оскорблениям и браниться с торчащими на трибуне. Что же касается здравого ума и хорошего воспитания – хотя кто-нибудь скажет, что слишком нескромно говорить так, – я держусь иного мнения и причислил бы себя не к последним, а к выделяющимся среди других. Поэтому я и берусь давать советы так, как позволяют мои способности и возможности, и нашему государству, и всем эллинам, и самым знаменитым людям» [цит. по: Исаева 1994: 31]. Современный ему историк отмечал: «Когда его спрашивали, как это он, сам не способный [произносить речи], учит других, он отвечал, что точильный камень не может резать, но он делает железо острым» [цит. по: Исаева 1994: 43]. Действительно, не будучи «действующим» оратором, Исократ, по выражению Е. Н. Корниловой, все же стал «моралистом, ...наставником, теоретиком, ... и, наконец, журналистом, создателем жанровых форм политического руководства (инструкции), открытого письма, обличения или панегирика в современном понимании этого слова» [Корнилова 1998: 42]. Список жанров, создателем или предтечей которых являлся Исократ, можно продолжить.

Программным произведением Исократа и его школы является его речь *«Против софистов»*. С этим манифестом он выступил еще в начале своей преподавательской деятельности. Произведение носит резко полемический характер: Исократ «подвергает уничтожа-

ющей критике всю тогдашнюю софистическую науку: как философов, занимающихся исследованием чисто отвлеченных истин (сюда, по-видимому, включаются и представители сократовской школы), так и риторов, современных, преувеличивающих легкость овладения риторикой и ее возможности, и прошлых, низводивших искусство красноречия до уровня простой прислужницы в судах. Им всем Исократ противопоставляет собственный взгляд на задачи риторики, которая «должна и может стать средством не только образования, но и нравственного и политического воспитания» [Фролов 1981: 332]. В таком новом понимании риторики Исократом последняя сближается с философией, которая, с подачи Сократа, важна ему как метод исследования **сути** проблемы. Он почти отождествляет эти две науки.

Кроме того, риторика у Исократа по своим социально-педагогическим функциям заменяет поэзию. (Именно на поэзии ранее в системе греческого воспитания лежала задача формирования *морального облика молодого гражданина Греции*).

Тематика и проблематика речей. Одним из условий хорошо составленной речи сам Исократ считал степень важности затронутых в ней проблем: «Лучшими из речей, – отмечает он, – я признаю те, которые посвящены наиболее важным предметам, которые и оратору дают себя показать, и приносят наибольшую пользу слушателям» (Исократ 1985: 39–40). Среди проблем, поднимаемых в его речах – проблемы афинской государственности, политики Греции в связи с необходимостью ее объединения для противопоставления внешним врагам (например, Персии), размышления о наилучшем государственном устройстве и личности идеального правителя и т.д. Здесь важно отметить уникальность этого мыслителя: всегда ориентируясь на устную форму изложения, он остался в истории прежде всего как основоположник и реформатор письменных жанровых форм.

Таким образом, большинство его речей, традиционно ориентированных на устную форму, функционировали прежде всего в письменной форме. Поэтому некоторые из них, отличавшиеся ярко выраженной общественной проблематикой, («*Ареопагитика*», «*Панегирик*», «*О мире*» и др.) можно считать прообразом такого жанра современной журналистики, как *статья по актуальным политическим вопросам*. Не случайно современные исследователи признают его первенство в попытке создания *аналитической публицистики* (см., напр. [Корнилова 1998: 47]).

Взгляды Исократ на государственную власть эволюционировали примерно в том же направлении, что и взгляды Платона, т.е. от привычного для грека и афинянина убеждения в первенстве демократии, народовластия, до признания необходимости твердой единоличной власти.

В отличие от Платона, он сначала пытается искать идеал государственного правления не в будущем, а в прошлом, стремясь «вернуть греческий полис к его докризисному состоянию» [Миллер 1983: 389]. Такой образцовой формой общественного устройства являются для него *Афины в период правления Солона*: тогда, по его мнению, царил гармония как в отношениях между личностью и государством, так и между разными социальными группами («Ареопагитика»). Ареопаг, народный совет того времени, состоящий из лучших граждан, был образцовым правительством, его представители следили за жизнью каждого, удерживали людей от дурных поступков, служили гарантом общественной нравственности. Однако уже в «Ареопагитике» он делит общество на политических лидеров и чернь, толпу. Лидеры высоконравственны и «морально устойчивы»; толпа же изменчива и не знает, чего хочет.

Позже именно *народоправление*, или «чернь во власти», как он называет такой строй, становится объектом эмоциональных нападок и разоблачений Исократ: «Из выступающих с трибуны вам нра-

вятся самые негодные, и вы думаете, что пьяные более преданы демократии, чем трезвые, неразумные – чем здравомыслящие, те, которые делят между собой государственное достояние, – чем те, которые выполняют литургии из собственных средств. И можно только удивляться, если кто-либо надеется, что государство, имеющее таких советников, будет преуспевать... « [Исократ 1994: 185]. При нынешнем правлении «распушенность считается демократией, противозаконие – свободой, невоздержанность на язык – равенством, а возможность делать все, что вздумается – счастьем» [цит. по: Исаева 1994: 93–94]. Единственным залогом нормального существования государства становятся теперь для Исократа добродетели правителя, в чьих руках сосредоточена вся власть.

Исократ не был оригинален, постулируя идею единоличного правления как средство спасения от общественных зол. Примерно в то же время к этой идее приходят, например, Платон («Государство») и Ксенофонт («Агесилай», «Гиерион»). Интересной была сама форма, в которую он эту идею облакает, поскольку здесь можно вычленил мощный пражурналистский аспект.

Для оформления своей идеи Исократ обращается к жанру *энкомия* – похвальной речи. Этот жанр, отличавшийся большой экспрессией и силой воздействия, был заимствован Исократом из поэзии и приспособлен для нужд прозы в качестве орудия его публицистики. Энкомий становится у Исократа удачным способом аргументации, убеждения и пропаганды своих идей («Похвала Елене», «Бусирис», «Эвагор», «Филипп»). Принцип похвалы здесь подразумевал следующее: в избранном объекте освещались только достоинства, обычно они преувеличивались, а недостатки опускались. Исократ вполне откровенно делится своей методикой: «Всем известно, что стремящиеся восхвалять кого-либо должны уметь обнаруживать в нем больше положительных качеств, чем у него есть на самом деле,

обвиняющие должны действовать как раз наоборот» [цит. по: Фролов 1981: 340].

Как отмечает Е. Н. Корнилова, Исократ сыграл важную роль не только в становлении жанра энкомия в современной ему греческой прозе, но и «в создании наследующих ему жанров *житий* и *торжественных биографий* и в обосновании пунктов политической программы любого претендента на власть. Современная журналистика стыдливо отрекается от жанровой специфики энкомия (хвалебной песни, посвященной какому-либо лицу или божеству) или панегирика (хвалебной речи в праздничном собрании), хотя приемы Исократова при создании торжественных биографий отлично усвоены создателями имиджей президентов и прочих политических лидеров» [Корнилова 1998: 54].

Список жанров, намеченный исследователем, можно продолжать. Так, например, такой жанр современной журналистики, как *биографический очерк*, несомненно, имеет своим прообразом все тот же исократовский энкомий. С энкомием биографический очерк роднят такие черты, как *домысел*, когда автор привносит в имеющиеся факты некие дополнения «от себя», считая, что это заострит и актуализирует материал, а также *выпрямленность, однобокость образа* – журналист не воспроизводит характер своего героя во всей полноте, а дает лишь те черты, которые отвечают *авторской задаче* [Кройчик 2000: 163].

Исократ адресовал свое «похвальное слово» тем владыкам, которые могли бы стать проводниками его идей, например, сиракузскому тирану Дионисию I или Филиппу Македонскому. (Примечательно, какую силу могло обретать слово Исократова: если Филипп, ознакомившись с идеями Исократова, все же отложил их исполнение, то его сын, Александр Македонский, вдохновившись ими, выполнил заветы мыслителя: разгромил Персию, объединил под своей властью

Грецию и, более того, покорив еще несколько народов, создал одну из величайших империй древности).

Апофеозом этой линии в публицистике Исократа стало похвальное слово Эвагору – почившему кипрскому царю. «Эвагор» намечает схему для биографии исторических деятелей (рождение, образцовое детство, возмужание, героические подвиги, достойная смерть). Одновременно «Эвагор» постулирует своего рода *идеал поведения* такого рода деятелей. Этот идеал возникает из деятельности Эвагора: «От каждой политической формы он брал самое лучшее; он обладал качествами народного вождя – потому что умел окружать заботой народ; государственного деятеля – потому что справлялся с управлением целого государства; опытного полководца – потому что сохранял благоразумие перед лицом опасности; наконец, прирожденного повелителя, потому что всем этим отличался от других» [цит. по: Корнилова 1998: 57]. Автор превозносит его храбрость, мужество, государственную мудрость и прочие добродетели, которые его герой демонстрирует как на поле битвы, так и в годы мирного строительства. «Каким быть герою?» – на этот вопрос призвана ответить дидактика Исократа.

Таким образом, Исократ задает своего рода художественный и нравственный *канон идеального правителя* со стандартным набором добродетелей, образцами поведения – в государственном управлении, политической деятельности, отношениях с подданными и врагами, в прочих военных и мирных занятиях. И в таком виде энокмий ближе к публицистике и журналистике, чем к собственно литературе, где писатель все же стремится нарисовать образ более полно, включив в него и положительные, и отрицательные качества. Здесь же образ героя нарочито «выпрямлен» и «домыслен»: Исократ не жалеет гипербол, пространных похвал, реальные факты чередуются с домыслом – идеализация героя отвечает авторским целям.

Частым приемом в повествовании являются *сравнения* и *оппозиции*. Так, автор сравнивает заслуги героя с подвигами мифологических персонажей, причем выясняется что, например, знаменитая Троянская война, воспетая Гомером, – не событие в сравнении с борьбой Эвагора за Кипр: «Спрашивается, можно ли яснее, чем это сделано на примере столь трудной и опасной войны, показать все мужество, рассудительность и доблесть Эвагора? Ведь совершенно очевидно, что эта война не сравнима не только с другими войнами, которые когда-либо велись людьми, но и с походом древних героев, который повсюду воспевается в песнях. Участники этого похода силами всей Эллады взяли одну только Трою, тогда как Эвагор, опираясь на единственный город, боролся против всей Азии» [цит. по: Корнилова 1998: 57].

Когда же сравнение в масштабе деяний явно не в пользу Эвагора, Исократ сосредоточивает свое внимание на способе их осуществления. Поэтому, сравнивая Эвагора с легендарным покорителем Азии Киром, Исократ не колеблется, кому отдать приоритет: «...у одного все было совершено с полным уважением к божескому и человеческому праву, тогда как у другого случались и неблагоприятные поступки: Эвагор истреблял только врагов, Кир же убил отца своей матери. Поэтому если иметь в виду не масштабы событий, а доблесть каждого, то по справедливости Эвагору следует воздать большую похвалу, чем Киру» [цит. по: Корнилова 1998: 56].

Портрет Эвагора рисуется на фоне мощных контрастных оппозиций: добра и зла, войны и мира, вражды и дружбы. Образ героя максимально обобщается, приобретая «сверхчеловеческие» характеристики.

В конце концов, Эвагор оказывается «*богом среди людей*», «*смертным божеством*». Вновь отдадим должное силе слова Исократу, достойного наследника софистов: еще в древности удивлялись, не перестают удивляться и теперь, как из кипрского царька

средней руки он сумел вылепить титаническую фигуру, супергероя, полубога, мощью превосходящего известных эпических персонажей. Безусловно, не все одобряли эту склонность автора к преувеличениям ради достижения целей его публицистики. Так, по преданию, отвергал такую манеру его противник Аристотель, восклицавший: «Стыдно молчать и позволять говорить исократам!»

Обновленный Исократом жанр энкомия оказался очень актуальным для последующей литературы, его разработки активно использовали.

Схема идеального героя находит свое развитие не только у античных авторов – Ксенофонта, Плутарха, Юлия Цезаря, Тита Ливия и др., но и в последующей европейской литературе. Она была положена в основу многочисленных биографий – полководцев, монархов, святых, чудотворцев, политических деятелей и т.д. [Миллер 1983: 391].

Звучный, плавный, изобильный стиль речей Исократа так или иначе определил манеру ораторов IV в. до н.э., и направление ораторского искусства в целом. Также весьма значительной заслугой Исократа является то, что он способствовал перемещению эстетических пристрастий греков с поэзии на прозу. Проза теперь становится не только равноправным способом художественного мышления, но и носителем воспитательных, а также общественно-политических (публицистических) функций.

Часть II ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО РИМА

Введение

В середине III в. до н. э., когда классическая греческая словесность уже отошла в прошлое, а эллинистическая литература пережила уже свой расцвет, в Италии начинает развиваться вторая литература античного общества – римская.

Рис. 14. Римляне

«Рим, центральная община племени латинов, возглавившая объединение Италии, «создает свою литературу, параллельную греческой» [Тронский 1988: 263]. Традиционно исследователи говорят о «вторичности» римской культуры: римские писатели в качестве канонических образцов адресовались к произведениям греков, а греческий язык в Риме долгое время был литературным языком. Рим повторял путь, пройденный греческой культурой, хотя и в несколько ином виде.

Этот путь был часто труден. Перенятое у греков не всегда копировалось слепо, но приспособлялось к собственным условиям. Так происходило и с ораторским искусством, и с актуальной общественно-политической письменностью, т.е. с тем, что является существенной частью публицистики и журналистики (в данном случае – пражурналистики). Однако пришел момент, когда римляне уже не только копировали греков, но и создавали в этих сферах свои достойные произведения. Рассмотрим на нескольких примерах специфику памятников древнеримской пражурналистики.

Глава 7

Цицерон

*Вся громкая слава римской риторики может быть
обозначена одним звучным именем – Цицерон*

Е. Н. Корнилова

Первая из рассматриваемых нами в рамках римской пражурналистики фигур – Цицерон, чье творчество продолжает тему ораторского искусства античности. Его деятельность, однако, интересна нам не только в этом, но и еще в нескольких аспектах.

Марк Тулий Цицерон (106–43 гг. до н. э.) – известнейший

Рис. 15. Цицерон

оратор, политический деятель, филолог, систематизатор античной философии. Вместе с Демосфеном Цицерон, несомненно, олицетворяет высшую ступень ораторского искусства античности.

Сходство в обстоятельствах жизни двух ораторов удивляло еще древних. Так, Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях» отмечает, что божеество как бы создало обоих по одному образцу и в главных чертах: свободолюбии и честолюбии, но и в сходстве многих второстепенных случайностей: «Вряд ли удастся найти двух ораторов, которые – оба – от ничтожества и безвестности поднялись бы к силе и величю, враждовали с царями и тиранами, лишились дочерей, были изгнаны из отечества, вернулись с почетом, снова бежали и, попав в руки противников, простились с жизнью тогда же, когда умерла свобода их сограждан» [Плутарх 1964: 141].

Самые важные произведения в их творчестве были созданы в моменты напряженного политического противостояния. Для Демосфена это борьба с македонской угрозой, для Цицерона – выступление против диктаторских поползновений Катилины и Марка Антония.

Творчество Цицерона известно нам более подробно, чем творчество Демосфена. Оно представлено едва ли не полнее, чем произведения любого другого представителя античной мысли: до нас дошло 58 его речей (т.е. около половины написанных им), 19 трактатов по риторике и философии и около тысячи (!) писем.

Значение его творчества для античности и Европы огромно. Вместе с тем, Цицерон – едва ли не самая противоречивая фигура Древнего Мира. Оценки его личности и деятельности могут колебаться в широком спектре – от страстного борца против тирании за права и свободы римской республики до слабохарактерного, боязливого политика, политического флюгера [Кнабе 1991: 389].

Несомненно, во всех этих оценках есть немалая доля истины. Деятельность любого крупного мыслителя едва ли может быть оценена однозначно, тем более это касается такой многогранной личности, как Цицерон. Попробуем сформировать свое мнение по этому вопросу, остановившись на трех аспектах его творческого самопроявления – *политической и ораторской, эпистолярной*, а также *филологической и философской деятельности*.

Политическая и ораторская деятельность. Действительно, политическая позиция Цицерона в век острейших общественных противоречий и напряженной политической борьбы была во многом противоречивой, двойственной. Отчасти это связано с его происхождением. Цицерон был выходцем из *всадников* – торгово-денежного сословия, своего рода буржуазной прослойки между плебеями и высокородной аристократией.

В отличие от *нобилитета*, элитарного сословия, которое составляли представители аристократии, порой не очень богатые, но имеющие огромное политическое влияние, *всадничество* включало представителей плебейских родов, которые своей энергией, трудом создавали себе имя и состояние. Являясь, по сути, экономическим фундаментом Рима, всадники не имели в политической жизни такого веса, как нобилитет, поскольку попасть в сенат (основной орган государственного управления) им было довольно сложно.

Однако благодаря своему уму, способностям, языку, Цицерон, прославившись сначала как судебный оратор, попадает в сенат и занимает там высокие должности. В ораторском искусстве Цицерон был учеником таких известных мастеров слова, как римляне *Муций Сцевола*, *Лициний Красс*, грек *Аполлоний Молон*. В красноречии Цицерон становится приверженцем *азиатского стиля* – звучного, певучего, избыточно-пышного, для которого характерна «орнаментальная перегруженность речи и стремление максимально повысить действенность каждой части фразы» [Тронский 1988: 225]. (Еще в древности шутили, что если в речи Демосфена невозможно ничего убавить, то к речи многословного Цицерона невозможно ничего прибавить).

Будучи по своим взглядам сторонником республики и демократии, в своей политической практике Цицерон был вынужден идти на компромиссы с аристократией. Последняя же стремилась защитить свои политические интересы от притязаний рвущихся к власти плебеев. Существующей политической тенденцией была *концентрация власти в одних руках* в пользу той или иной политической группировки, когда отрицалась бы даже та видимость народо-властия, которая была при прежнем положении вещей.

Цицерон, как примерный гражданин, выросший на идеалах старого республиканского Рима, как указывает М. Л. Гаспаров (см., напр., [Гаспаров 1994: 26–27]), враждебно относился к единоличной

диктатуре. Он приравнивал ее к греческой тирании, допуская избрание диктатора лишь в самых крайних случаях (например, для ведения войны). Но к тому, что он называл царской властью, к единовластию и произволу правителя, не подчиняющемуся постановлениям сената, он всегда относился с резкой антипатией (диктатура Суллы, Цезаря, притязания на диктаторство Катилины).

Привязанный, как и Демосфен, к *республиканской форме правления*, Цицерон, как полагают исследователи, недостаточно ясно оценивал ее непригодность к новым имущественным и политическим отношениям, сложившимся в то время. Поэтому его демократически ориентированная политическая программа (развернутая в трактате «О государстве»), подходившая суровым временам Катона Старшего, не вполне отвечала складывающейся ситуации.

Цицерон опирается, в частности, на учение греческого историкографа *Полибия*. Последний, рассматривая три формы правления – монархию, аристократию и демократию, предлагал в качестве лучшей *смешанную* форму, основанную на достоинствах всех трех, при которой должны быть учтены интересы всех общественных групп. По его мнению, именно такая форма больше всего соответствует принципу справедливости и гарантирует долговечность государства.

На основе выводов Полибия Цицерон выстраивает программу *согласия сословий* (*concordia ordinum*) или *согласия всех честных граждан* (*consensus honorum omnium*). Во многом он воплотил в ней и собственные политические симпатии, призывая к согласию аристократию и всадничество, а мятущуюся толпу – к спокойствию.

Безусловно, эта программа не могла не грешить идеализмом, особенно в подаче Цицерона: призывающий к равенству и «согласию» оратор в свое время обладал миллионным состоянием, будучи одним из богатейших людей Рима. Однако такая программа не была полностью беспочвенной, ведь воплощаемые в ней идеалы «старого

доброе время» еще были живы в сердцах римлян и составляли значимую часть государственной идеологии.

Для того чтобы защищать интересы всего народа, «самый красноречивый моралист из римских политиков» был вынужден идти на политические интриги и сомнительные сделки с аристократией, что и составило суть того, что С. Г. Кнабе определяет как *проблема Цицерона*. Невозможно однозначно ответить на вопрос исследователя, какой же из двух Цицеронов подлинный, защитник ли высоких духовных норм государственной жизни или «хитрый, трусливый интриган». Корень противоречия и одновременно источник побед и поражений Цицерона – во многом в самой исторической ситуации.

В 66 г. до н. э. Цицерон занимает в Риме должность *претора*, т.е. ответственного за судебную власть и охрану правопорядка. В 63 г., вооруженный программой *согласия сословий*, он получает высшую государственную должность, т.е. избирается *консулом*. Причем поддержку ему оказывает прежде всего сенатская аристократия.

На этом посту он подавляет антиреспубликанский мятеж Луция Сергия Катилины, домогавшегося единоличной тиранической власти. Некоторые из исследователей (Е. Н. Орлов, Е. Н. Корнилова) полагают, что далеко не все ясно в этом заговоре. Возможно, Катилина, человек влиятельный и талантливый, к тому же опиравшийся на поддержку народных масс, желал, добившись власти, провести в Риме прогрессивные политические и экономические реформы. Цицерон же, получивший консульство благодаря поддержке нобилитета, видел в нем опасного политического противника и не был щепетил в выборе средств для устранения противника.

Так или иначе, призрак диктаторства был достаточно страшен, чтобы испугать и Цицерона, и его слушателей, и сплотить в единое целое представителей разных сословий для противостояния этой неожиданной опасности.

Как признают некоторые исследователи, Цицерон не располагал сколько-нибудь убедительными доказательствами вины Катилины. Нужного исхода решения от сената Цицерон добился, прибегая не к фактам, а к умелому использованию своего красноречия. В ход идут испытанные риторические приемы: амплификаций (преувеличений), метафор, антитез, особого ритмического членения фраз, восклицаний, риторических вопросов и т.д. Все эти приемы, в сочетании с цицероновской экспрессивностью и страстностью, помогли добиться нужной цели. До сего дня, как примеры образцового литературного языка, в латинские грамматики входят отрывки «Первой речи против Катилины»:

«Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением? Как долго еще ты, в своем бешенстве, будешь издеваться над нами? До каких пределов ты будешь кичиться своей дерзостью, не знающей узды? Неужели тебя

Рис. 16. Выступление оратора в римском сенате

не встревожили ни ночные караулы на Палатине, ни стража, обходящая город, ни страх, охвативший народ, ни присутствие всех честных людей...» и т. д. И далее:

«О времена! О нравы! В какой стране мы находимся? Сенат это понимает, консул видит, а этот человек еще жив. Да разве только жив? Нет, даже приходит в сенат, участвует в обсуждении государственных дел, намечает и указывает своим взглядом тех из нас, кто должен быть убит, а мы, храбрые мужи, воображаем, что выполняем свой долг перед государством, уклоняясь от его бешенства и увертываясь от его оружия» [Цицерон 1962: 292–294].

Очевидно, Катилина и его сторонники и не подозревали о возможных происках Цицерона и не думали поначалу скрываться. Но

сила речи Цицерона была настолько внушительна, что Катилина, встревоженный поднявшимся волнением, предпочел уехать из города, или, как говорит Цицерон во «Второй речи»: «Он ушел, удалился, бежал, вырвался».

«Вторая речь» звучит более уверенно. Инвектива Катилине, намеченная в «Первой речи» («Есть ли позорное клеймо, которым твоя семейная жизнь не была бы отмечена? Каким только бесстыдством не ославил ты себя в частной жизни? ...отчизна, наша общая мать, тебя ненавидит, боится и уверена, что ты уже давно не помышляешь ни о чем другом, кроме отцеубийства»), во «Второй речи» перемежается с самовосхвалением. Как замечают исследователи, в этом Цицерон ощутимо превзошел Демосфена:

«Ведь на нашей стороне сражается чувство чести, на той — наглость; здесь — стыдливость, там — разврат; здесь — верность, там — обман; здесь — доблесть, там — преступление; здесь — непоколебимость, там — неистовство; здесь — честное имя, там — позор; здесь — сдержанность, там — распущенность; словом, справедливость, умеренность, храбрость, благоразумие, все доблести борются с несправедливостью, развращенностью, леностью, безрассудством, всяческими пороками; наконец, изобилие сражается с нищетой, порядочность — с подлостью, разум — с безумием, наконец, добрые надежды — с полной безнадежностью. Неужели при таком столкновении, вернее, в такой битве сами бессмертные боги не даруют этим прославленным доблестям победы над столькими и столь тяжкими пороками?» [Цицерон 1962: 309].

После расправы со сторонниками Катилины римляне награждают Цицерона прозвищем «отца отечества» и совершает в его честь жертвоприношения и молитвы. Цицерон, не найдя для себя достойных прославителей, сам прославит себя в поэмах «О своем времени» и «О своем консульстве». Как утверждает И. М. Тронский, эти поэмы до нас не дошли и, кроме самого Цицерона их никто не цитиру-

ет, в то время как четыре речи против Катилины (так называемые «катилинарии») пользуются известностью до сих пор как выдающиеся памятники литературно-публицистического творчества.

Обыкновение хвалить себя не относилась к числу положительных политических качеств Цицерона. Возможно, именно из-за нее Цицерона не переизбрали на почетную консульскую должность, несмотря на то, что влияние и сила Цицерона после разоблачения заговора достигли пика. По мнению Плутарха, многие прониклись к нему неприязнью из-за этой привычки «постоянного самовосхваления и самовозвеличивания». Ни сенату, ни народу, ни судьям «не удавалось собраться без того, чтобы не услышать его разглагольствований о Катилине и Лентуле... Эта некрасивая привычка завладела им, словно какая-то порча, почему и речь его, полная прелести и грации, сделалась тягостной и неприятной для тех, кто ее слышал» [Плутарх 1964: 319].

С уменьшением влияния Цицерона слабнут и перспективы воплотить в жизнь программу «согласия сословий». В 60 г. власть в Риме переходит к «триумвирам» – троице Помпею, Цезарю и Крассу. Политическая позиция примирителя разнонаправленных сил оказывается не самой лучшей. Через некоторое время возникает серьезная оппозиция между Помпеем, принявшим сторону сената, и Цезарем, который при поддержке партии популяров (свободных граждан-плебеев, не входящих в сословия всадников и нобилей) стремился к единоличной власти в государстве.

В это время поднимают голову выжившие сторонники Катилины, благодаря их интригам Цицерон был отправлен в изгнание, его дом в Риме и усадьбы разрушены, а имущество отдано в казну. После того, как в 57 г. ему было разрешено вернуться, его положение остается довольно сомнительным. Последнее – как раз следствие того, что его популярность в Риме еще достаточно велика. Цезарь и Помпей стремятся перетянуть его каждый на свою сторону,

желая завоевать поддержку известнейшего оратора. Цицерон колеблется между Помпеем и идеалами республики и сената с одной стороны, и Цезарем и побеждающей политической тенденцией к концентрации власти с другой. Чувствуя шаткость своего положения, он стремится заручиться благорасположением обоих. В своей речи «О консульских провинциях» он льстит триумвираторам, воспевая «доблесть и величие духа Гнея Помпея» и создавая энкомий любимцу фортуны Цезарю, и одновременно мстит своим обидчикам, по чьей вине он отправился в изгнание. При этом не все его поступки благовидны: он запутывается сам и навлекает на себя дурную молву.

Некоторую отсрочку окончательного выбора, к которому он так и не может прийти, дает назначение на новую должность.

В 51 г. он отправляется в качестве проконсула (наместника провинции) в Киликию (Малая Азия), где проводит 5 лет. Благодаря своей честности и военным победам над несколькими горными племенами он обретает здесь немалую популярность среди солдат и те провозглашают его *императором* – в то время это почетный титул, присуждавшийся римскому полководцу, одержавшему значительные победы над противником.

Когда он возвращается из Киликии, обнаруживается, что тянуть с выбором больше нельзя. Рим стоял на пороге гражданской войны. Два триумвиратора (третий, Красс, погиб в Парфии в 53 г.), поддерживаемые войсками, были готовы схватиться, чтобы выяснить, кому же будет принадлежать власть. После долгих колебаний Цицерон перед решающей битвой выступает-таки на стороне сената, присоединившись к лагерю Помпея, но там, по словам Плутарха, все его раздражало и побуждало к саркастическим замечаниям. Фарсальская битва заканчивается победой Цезаря и бегством Помпея и сената в Грецию, и Цицерон вновь оказывается в опале.

Через десять месяцев Цезарь, не потерявший расположения к оратору, дарует ему прощение. Цицерон сохраняет свою жизнь и

имущество, но теряет влияние. Его красноречие больше не пользуется успехом; выходит из моды азианство, к которому был привержен Цицерон, на смену этому стилю приходит новая риторическая мода – аттицизм, для которого была характерна большая четкость, даже скупость словоупотребления. К аттицизму тяготел Цезарь. Сторонники аттицизма выступали за «дисциплинированность», простоту и чистоту языка. То и другое поветрие было в некоторой степени искусственным: оба стиля были заимствованы у греков.

Эти последние годы, проведенные вдали от политической суеты и соблазнов, становятся одним из самых плодотворных периодов в творчестве Цицерона. Живя в уединении, он создает лучшие свои произведения: в 46 г. – речи «Брут» и «Оратор», в 45 г. – философское сочинение «Утешение» и диалог «Гортензий». Затем следует серия философских диалогов и трактатов: «Академики», «О высшем благе и крайнем зле», «Гускуланские беседы», «О природе богов», «О предвидении», «О судьбе», «О дружбе», «О старости», «О славе», «Об обязанностях».

Убийство Цезаря Брутом в 44 г. пробуждает мечты Цицерона о восстановлении республиканской конституции и сенатской власти. Он надеется обрести прежнюю популярность. Однако почти сразу приходится защищать республику от домогательств нового претендента на единогласное правление консула Марка Антония. Свои 14 речей против Антония и в защиту наследника Цезаря Октавиана (обещавшего возродить сенатское правление и республику), Цицерон называет *филиппиками*, в подражание тираноборцу Демосфену. В борьбе против Антония оратор показал себя по-настоящему мужественным защитником республики: опасность, исходящая от него, была куда серьезнее, чем от заговора Катилины.

Антоний потерпел поражение в столкновении с войсками сената. Цицерон торжествовал победу, но будущий император Август Октавиан, которого Цицерон поднял на политический Олимп, пре-

дал оратора. Он вступил в сговор с поверженным Антонием и Лепидом, вместе они образовали Второй триумвират. Антоний выменял у Октавиана голову ненавистного ему Цицерона на голову своего дяди, чьей смерти в свою очередь желал наследник Цезаря.

Попытка Цицерона бежать в Грецию закончилась неудачей, 7 декабря 43 г. его настигли убийцы. По свидетельству историка Аппиана, мстительный Антоний прибил голову и руку Цицерона к трибуне, с которой Цицерон так любил выступать. «И больше народу приходило смотреть на него мертвого, чем когда-то послушать живого», – писал Аппиан.

Эпистолярная деятельность Цицерона. В целом этот вид деятельности был важным аспектом общественной жизни римлян. Е. Н. Корнилова так описывает значение этого вида творчества: «Эпистолярное творчество римлян во многом заменяло им нашу газету. Письма выдающихся людей, где они высказывали свои чувства и взгляды, читались, комментировались и переписывались... Эпистолы, в которых содержалась какая-либо значительная новость, переходили из рук в руки и становились общественным достоянием. Существовал и обычай *открытых писем*, текст которых размножали и развешивали на стенах в публичных местах. Жанровая форма письма оказалась многофункциональной» [Корнилова 1998: 151].

Между тем, как полагают исследователи, именно Цицерон сделал обычай открытых писем таким распространенным, да и сам жанр письма в античной словесности был сформирован и обрел свои правила благодаря ему.

Цицерон очень часто обращался к этому жанру. Он вел обширную переписку со многими знатными и влиятельными людьми своего времени (Цезарем, например). Кроме того, он стал использовать форму письма как литературно-публицистический прием. Он обращался к нему, когда нужно было обратиться по поводу тех или

инных общественно-политических проблем к народу, но не официально, не с трибуны, как подобает государственному деятелю, а задушевно-неформально, словно бы он общался со своими близкими, поскольку этот жанр предполагал большую субъективность изложения.

Он отдавал текст своего послания рабам-переписчикам своего друга Тита Помпония Аттика, крупного издателя и финансового деятеля, который занимался распространением произведений Цицерона. Атик держал для таких целей несколько сотен грамотных рабов, которые за короткое время воспроизводили цицероновское послание в тысячах копий. Они раздавались друзьям и знакомым, вывешивались на людных местах. Это было способом оперативного информирования и идеологического воздействия на народные массы, с которым по эффективности могла сравниться позже лишь «газета» Цезаря (правда, последняя не имела таких эстетических достоинств, какие были у открытых писем Цицерона).

Именно таким образом, в виде открытого письма, распространялась, например, вторая «филиппика» против Марка Антония. Она изобилует характерными для инвективы преувеличениями и обвинениями в развращенности, моральной нечистоплотности, нечестивости предков и т.д.: «...как в семенах заложена основа возникновения деревьев и растений, так семенем этой горестной войны был ты. Вы скорбите о том, что три войска римского народа истреблены — истребил их Антоний. Вы не досчитываетесь прославленных граждан — и их отнял у нас Антоний. Авторитет нашего сословия ниспровергнут — ниспроверг его Антоний. Словом, если рассуждать строго, все то, что мы впоследствии увидели (а каких только бедствий не видели мы?), мы отнесем на счет одного только Антония» [Цицерон 1962: 297–298].

С подачи Цицерона к жанру открытого письма стали прибегать не только сторонники республики, но и ее противники. Извест-

ны, например, полемические письма Цицерона, написанные в ответ на инвективы историка Гая Саллюстия, апологета цезариарианской власти. Они обменивались довольно язвительными посланиями, не особенно щадя друг друга. Отечественный исследователь И. В. Шталь отмечает, что Саллюстий, обладавший языком не менее острым, чем Цицерон, делает своего противника «воплощением всех отрицательных качеств, свойственных верхам умирающего республиканского Рима: развращенности, продажности, корыстолюбия, измены декларируемым идеалам... В результате, какую бы цель ни преследовал автор «Инвективы», созданный им образ объективно несет более широкую смысловую нагрузку, чем простое выражение неприязни автора к некоему лицу. Осуждение Цицерона бросает тень на всю республиканскую «партию», ее идеологические установки и лозунги, указывает на несостоятельность движения в целом» [цит. по: Учёнова 1989: 54].

Обличительный пафос открытых писем Цицерона позволяет В. В. Учёновой отнести его к зачинателям такого жанра, как памфлет. Но также немаловажен вклад Цицерона в формирование жанра открытого письма, который по сей день считается остропублицистическим и чьи каноны с тех пор особых изменений не претерпели.

По определению Л. Е. Кройчика, *письмо* – это «эпистолярный жанр публицистики, в форме публичного обращения к конкретному лицу или коллективу, поднимающий актуальные проблемы, требующие немедленного разрешения. Текст письма обычно представляет собой доверительный разговор автора с адресатом, при котором раскрывается личность автора и адресата, раскрывается важная проблема, которая обсуждается как бы в присутствии аудитории» [Кройчик 2000: 160].

Письма Цицерона неожиданно привлекли к себе внимание еще раз, почти через полторы тысячи лет после их написания. Тогда несколько сотен писем Цицерона обнаруживает человек, знакомый

нам прежде всего как блестящий поэт, но в свое время известный как крупный филолог, исследователь античности. Речь идет об открытии Петрарки, который в 1345 г. отыскал и опубликовал письма своего соотечественника. Тогда это стало событием для европейского гуманизма и одним из значимых открытий Возрождения. Великий человек древности впервые предстал во всем многообразии, богатстве и противоречивости своей личности.

Это стало тогда большой неожиданностью: вместо скульптурного образа волевого, непоколебимого героя и мудреца, какими зачастую представлялись Европе деятели античности, взгляду гуманистов предстал человек, которому ничего человеческого не чуждо, которому свойственны не только достоинства, но слабости и недостатки.

Петрарка был так смущен и взволнован, что написал Цицерону письмо на латыни (как бы на тот свет), в котором сожалел, что тому недоставало духа вести жизнь мудреца и он предпочел ей превратности политики.

Но затем именно эта полнота человечности была воспринята гуманистами как важная составляющая нового культурного идеала и послужила одним из образцов нового представления о человеке, когда утверждалась самодостаточность внутреннего мира индивида, ценность личных переживаний.

Наиболее интимно-доверительными считаются письма к другу Цицерона, упоминавшемуся выше Аттику. (И. М. Тронский полагает, что Цицерон ценил Аттика как хорошего советчика, на чье трезвое практическое суждение он стремился опереться, поскольку порой считал собственное чувство реальности недостаточным).

Можно предположить, что большинство писем к Аттику не были ориентированы на чье-то еще, кроме его собственного, прочтение. Что же касается других писем, то, зная тщеславие Цицерона, можно не ошибиться, предположив, что он как раз рассчитывал на

их публикацию, и сам во многом положил этому почин. Еще при жизни он публиковал не только открытые письма, но целые сборники своих писем, прочитывавшихся не без интереса. Примечательно, что А. Ф. Лосев связывает зарождение эпистолографии именно с именем Цицерона.

Филологическая и философская деятельность. Цицерон – выдающийся филолог своего времени. В своих произведениях Цицерон показал себя как великолепный стилист и лингвист. Именно он углубляет сформулированную Аристотелем теорию трех стилей, которая для греческой риторики имела лишь вспомогательное значение. Более того, в своих работах он придерживался этого разделения.

В *письмах* он придерживается простого разговорного стиля. В *речах* же он отбирает слова очень строго. Лексика, нарушающая высокий стиль, может здесь употребляться лишь с высокомерно-ироническим оттенком. В *трактатах* он предпочитает средний стиль, не перегруженный научными терминами, поэтизмами и варваризмами. Выделение среднего стиля, этого слоя лексики в пестрой, беспорядочной латыни 1 в. до н.э. исследователи считают его большой заслугой.

В области морфологии Цицерон работал над тем, чтобы упорядочить существующее многообразие флективных форм, постулировав правильность одних и неправильность других.

В области синтаксиса, опираясь на греческие грамматики, Цицерон разрабатывает правила построения периода – синтаксической формы, заключающей в себе какую-либо сложную мысль.

Цицерон известен также как *систематизатор философии* (под которой в те времена понималась научная мысль в целом). Римлянам философские достижения греков были известны не очень

хорошо. Заслуга Цицерона в том, что он изложил (быть может, не столько глубоко и полно, сколько изящно и благозвучно) учения крупных греческих мыслителей. Особенно это касалось стоиков и скептиков, чьим приверженцем был сам оратор.

Именно по его переложениям современные европейцы знакомы со многими из этих учений. Иные источники были утрачены довольно рано – в военно-политических перипетиях, в очистительных кострах средневековой инквизиции (произведения Цицерона христиане обычно щадили), да и просто разрушились от времени: греческая культура начала свое становление на полтысячелетия раньше римской и более чем на тысячелетие раньше собственно европейской.

Воздействие греческих философских учений в переложении Цицерона можно найти в произведениях европейских философов самых разных направлений. Следы внимательного изучения Цицерона можно найти в произведениях таких известных просветителей Англии и Франции, как Локк, Юм, Шефтсбери, Дидро, Вольтер и т.д.

Сам Цицерон, как борец-оратор, стал образцом для русских социал-демократов, а также для деятелей европейских буржуазных революций. Его влияние можно обнаружить в речах таких известных ораторов Великой французской революции, как Мирабо, Робеспьер, Марат, и др.

Глава 8

Гай Юлий Цезарь и «Записки о Галльской войне»

Гай Юлий Цезарь (100–44 гг. до н.э.) – знаменитый полководец, политический деятель, диктатор, сыгравший большую роль в

истории публицистики. Это писатель, давший нам замечательные образцы художественно-публицистического жанра записок в своих «Записках о Галльской войне» и незаконченных «Записках о гражданской войне».

Свое искусство оратора и писателя он, основатель Римской империи, успешно использовал в политической борьбе со сторонниками республики и другими претендентами на единоличное политическое правление. Цезарь вышел на политическую арену Рима как лидер антисенатской партии популяров, римской черни, не входившей в сословия всадников и нобилей. (В то время как Цицерон был важнейшей фигурой партии оптиматов, объединявшей нобилей, т.е. представителей римской аристократии).

Несомненно, Цезарь – один из самых блестящих талантов своего времени. Свое риторическое образование он получил у Апполония Молона, у которого также занимался и Цицерон. Его ораторский талант, кстати, высоко оценивали современники. «Будь у него больше времени для красноречия, он единственный из римлян мог бы помериться с Цицероном», – говорит о нем римский историк Квинтилиан.

Политические речи Цезаря не сохранились. Он не считал необходимым обнародовать их. Очевидно, для него они являлись прежде всего средством достижения политических целей, и далеко не в первую очередь – произведениями искусства.

Однако это вовсе не значит, что он не был искусен в этом деле. Осталось немало свидетельств мастерства Цезаря-оратора, убедительности его речей. Так, благодаря своему красноречию ему удалось подавить восстание и привести к полному подчинению бунтующие в Капуе римские легионы. Светоний рассказывает: «Цезарь, не слушая отговоров друзей, без колебаний вышел к солдатам и дал им увольнение, а потом, обратившись к ним «граждане» вместо обычного «воины», он одним этим словом изменил их настроение и склонил их к себе: они наперебой закричали, что они его воины и добровольно последовали за ним в Африку, хотя он отказывался их брать». Используя свое блестящее знание солдатской психологии, Цезарь одним обращением «квириты» вместо «милитас» добился потрясающего эффекта.

Есть большая разница между Цезарем и Цицероном. Первый – натура кипучая и деятельная, он постоянно готов к борьбе, не терпит колебаний, второй – мыслитель и моралист, склонный к долгим медитациям, при каждом шаге тщательно взвешивает «за» и «против», порой проигрывая время и теряя контроль над ситуацией. Цезарь – ритор от политики, Цицерон – политик от риторики.

Возможно, поэтому они следовали разным стилям в красноречии. Цицерон по большей части придерживался азианства, для которого были характерны долгие пышные периоды, частые повторения одной и той же мысли, развернутые метафоры, анафоры, аллитерации, ассонансы и прочие украшательства.

Цезарь же тяготел к атицизму – стилю строгому, точному, для которого была характерна несложная, понятная всем лексика. (Не случайно отрывки из Цезаря любят помещать в начала латинских

грамматик: они достаточно просты для восприятия и перевода). Основой красноречия, говорил Цезарь, является умелый выбор слов; слов неупотребляемых или малоупотребительных надо избегать, как опасных утесов. Такая простота была наиболее близка Цезарю, и оправдан был его выбор аттического стиля.

Главным направлением историографии того времени была историография риторическая, которая помимо фактографической убедительности описываемых событий ставила своей целью усладить, взволновать читателя красочными военными картинами, затейливой интригой, пышным слогом нарочито вставляемых в историческое повествование речей.

Цезарь отказался от всех риторических прикрас. Он демонстративно не хотел «облачать свой труд в «художественное одеяние», принятое у ораторов и моралистов» [Дуров 1988: 29].

Поэтому в заглавие своего произведения он выносит слово «записки», а не «история», как было принято у историографов. «Записками» в то время назывались произведения, не претендующие на художественную отделку, включающие «сырой» жизненный материал. Конечно, «Записки» Цезаря не назовешь сырыми, необработанными, не случайно критики считают их лучшим образцом стиля римского аттицизма. Своей точностью и простотой они восходят к школе Фукидида. Его произведению свойственны такие специфические для «записок» черты, как безыскусственность, следование хронологии в изложении событий, наличие авторской точки зрения, заявленной позиции в освещении фактов, событий.

Содержание «Записок» – военные операции Цезаря в Галлии, присоединенной им к Риму, а также его экспедиции в Германию и Британию.

Назначение «Записок» – не художественно-развлекательное, а политико-пропагандистское, т.е. они замышлялись скорее как публицистическое, чем литературное произведение. Они должны были

оказать определенное воздействие на общественность. Это произведение было своего рода «политическим манифестом» Цезаря.

«Записки о Галльской войне» должны были ответить на обвинения политических противников, которые считали вооруженную интервенцию Цезаря в Галлии необоснованной. Они имеют апологетический характер, т.е. направлены на то, чтобы оправдать и обосновать действия автора, изменить не вполне благоприятное общественное мнение.

Рис. 18. "Записки о Галльской войне"
Г. Ю. Цезаря

Сенатская партия была обеспокоена усиливающимся авторитетом и военной мощью признанного предводителя демократической партии Юлия Цезаря и предъявила ему ряд серьезных обвинений в беззакониях, нарушениях норм римского права и воинской чести. На основании подобных обвинений претор Гай Мемлий и трибун Люций Антисий потребовали у Цезаря отчета о его действиях за истекшее время консульства. Кое-кто даже настаивал на выдаче Цезаря германцам в качестве возмещения за его коварное нападение.

Стержневая мысль произведения, исподволь внушаемая читателю, – что война в Галлии преследует законные интересы Рима. Могущественные «варварские» племена, пытается показать Цезарь, угрожают свободе Рима и его провинций.

Следует воздать должное уму Цезаря, тому, как искусно составляет он акценты в изображаемом. В повествовании он умудряется не терять позиции гуманиста-миротворца, несущего помощь и блага просвещения соседствующим с Римом народам.

Между тем речь в «Записках» порой ведется о страшных жестокостях, массовых расправах с главарями варваров, проводившихся для устрашения непокорных, об истреблении целых племен, нежелающих сдаваться римлянам.

Грубые нарушения норм древнего международного права подаются Цезарем как суровое наказание вероломному неприятелю. Так, Цезарь казнил весь сенат венетов, которые сдались на милость победителей, а многих продал с аукциона. Безусловно, противники римлян также не отличались особой гуманностью и честностью. И война во все времена была тем событием, когда воюющие стороны порой забывали об общепринятых правилах морали, человечности. Единственным гарантированным правом войны и в то время было право Победителя. Одним из важных оправданий действий Цезаря исследователи считают тот факт, что завоеванные им народы, включаясь в сферу политического и культурного влияния Рима, переходили на более высокую ступень развития.

Примечательно, что Цезарь не пытается как-то оправдываться, защищаться или обелять себя. Исследователи подчеркивают, что он нигде не допускает прямой лжи, хотя некоторые факты он просто замалчивает или говорит о них как-нибудь невнятно или иносказательно. Излагаемые события предстают в наиболее выгодном для него свете. Иногда они сдвигаются во времени или упоминаются вскользь, но «в главном Цезарь придерживается исторической истины», – полагает немецкий исследователь Г. Опперман. Того же мнения придерживаются большинство отечественных исследователей (А. Г. Бокшанин, С. Дуров, И. Н. Тронский).

Более того, домогающийся диктаторской власти Цезарь пытается, и небезуспешно, показать себя «страдающей стороной», человеком, выступившим за справедливость и восстановление законов: «Не для злодейств он выступил из Провинции, но с тем, чтобы защищать от издевательств врагов, чтобы восстановить народных трибунов, безбожно изгнанных из среды гражданства, в их сане, чтобы освободить и себя, и народ римский от гнета шайки олигархов», [Цезарь 1991: 171]. Очевидно, одна из главных причин пропагандистского эффекта «Записок» – искренняя убежденность Цезаря, взявше-

гося ограничить власть аристократической верхушки и предоставить народу многие из утраченных вольностей, в правоте своего дела. Эта убежденность в конце концов передается и читателю, которому открывают все больше примеров избалованности, безнравственности и бессилия аристократической сенатской олигархии. Вот, например, описание военного лагеря полководца Помпея, политического противника Цезаря:

«В лагере Помпея можно было увидеть выстроенные беседки; на столах стояла масса серебряной посуды; пол в палатках был покрыт свежим дерном, а палатки...были даже обвиты плющом; много было и других указаний на чрезмерную роскошь и уверенность в победе. Ясно было, что люди, стремившиеся к ненужным наслаждениям, нисколько не боялись за судьбу этого дня. И такие лю-

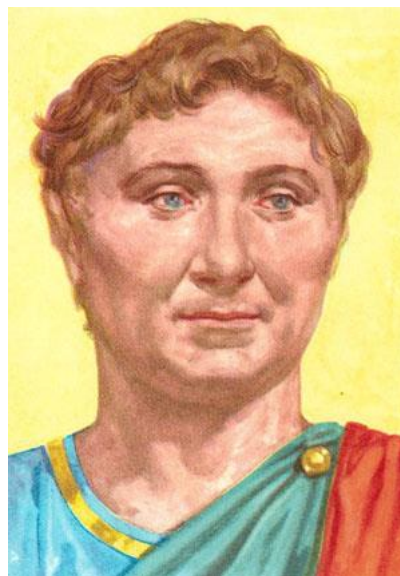

Рис. 19. Помпей

ди упрекали в излишестве несчастное и выносливое войско Цезаря, которое всегда страдало от нужды в предметах первой необходимости!» [Цезарь 1991: 254].

После повторения подобных примеров почти не остается возражений против двусмысленных самохарактеризующих пассажей типа: «Он настоятельно предлагал сенаторам взять на себя заботу о государстве и управлять им сообща с Цезарем. Но если они из страха будут уклоняться от этого, то он не станет им надоедать и самолично будет управлять государством» [Цезарь 1991: 176].

В «Записках» Цезарь ведет повествование от третьего лица. Жанр «записок» традиционно является весьма «лично окрашенным», авторская точка зрения здесь весьма значима. Очевидно, повествование от третьего лица для Цезаря – способ как бы со стороны взглянуть на себя и на свои действия, более объективно оценить ход

сражений и причины успехов и неудач этой долгой семилетней галльской войны. Возможно, это – следствие убеждения Цезаря, что любая ошибка в его действиях, любая недооценка или переоценка своих военных и человеческих качеств приведет к политической катастрофе. Таким образом, «Записки» – это своего рода попытка оценить прошлую деятельность и спланировать будущую.

Есть и иной взгляд на назначение этого приема. Его суть такова, что, отстраняясь от себя, Цезарь скромно пытается показать себя в наилучшем свете: прекрасный военачальник, оперативно реагирующий на изменения боевой обстановки, внимательный к подчиненным, доброжелательный к друзьям и вынужденный быть безжалостным к врагам. И говорить о себе в третьем лице – значит создать впечатление объективности этих качеств.

«Записки» выполняют главную политическую задачу Цезаря – создают его идеализированный имидж для римского общественного мнения. Облик Цезаря складывается из нескольких пунктов, в целом соответствующих (см. напр., Корнилова 1998: 142]) политической программе идеального правителя в энкомии Исократы «Эвагор»:

- талантливый полководец, умеющий вырвать удачу из рук судьбы;
- мудрый, дальновидный государственный деятель, руководствующийся интересами римского народа и готовый дать правдивый отчет о своих деяниях;
- человек по натуре милосердный, сторонник демократии, любит солдат и любим войском;
- человек образованный, блестящий стилист, но скромный, не претендующий на лавры историка.

Но богатство личности Цезаря не исчерпывает всего содержания «Записок». Немалая их часть – описание жизни галлов, германцев, венетов, их вооружения, крепостей, кораблей, военной силы, нелегких побед римской армии над превосходящими силами про-

тивника. Описание битв отличается лаконизмом, точностью, краткостью. Характерно также хладнокровие автора и отсутствие сантиментов. Действие предельно овнешнено, о внутреннем состоянии его участников, стойко переносящих тяготы битвы, можно только догадываться. Стилем Цезаря восхищается отечественный исследователь М. Л. Гаспаров, приводя следующий отрывок: «Когда битва шла уже более шести часов и у наших не хватало не только сил, но и снарядов, а враги наступали все упорней и уже начинали, пользуясь нашим изнурением, срывать вал и засыпать ров, – положение наше дошло до последней крайности, – тогда Публий Секстий Бакул, старший центурион, уже упомянутый как отличившийся множеством ран в нервийском бою, а с ним Гай Волусен, войсковой трибун, муж большого ума и доблести, спешат к Гальбе и заявляют, что теперь единственная надежда на спасение – это прорваться и рискнуть на крайнее средство» [Гаспаров 1983: 446].

Мысли Цезаря свойственно умение разом охватить обстановку действия, его направление и исход, отсеяв ненужные детали, но не забыв о существенном. Стремительность – одно из главных свойств не только мысли, но и самой природы Цезаря. Ценив время, он очень быстро читал, думал, отличался тем, что мог делать несколько дел одновременно. По замечанию Плутарха, Цезарь «упражнялся еще и в том, чтобы, сидя на коне, диктовать письма, занимая одновременно двух или даже... еще большее число писцов» [Плутарх 1983: 128]. Очевидно, таким же образом создавалась, по крайней мере, часть «Записок».

Опыт, извлекаемый из «Записок» Цезаря, таков, что своим успехом он прежде всего обязан этой своей стремительности, внезапности своих действий. «Цезарь решил, что ему следует поторопиться», – одна из часто повторяющихся а «Записках» фраз, очень убедительно обрисовывающая личность автора.

Значение «Записок». Еще при жизни многие, даже его политические противники, признавали достоинства произведения Цезаря. Так, Цицерон полагал, что «Записки, им сочиненные, заслуживают высочайшей похвалы, в них есть нагая простота и прелесть, ибо они, как одежды, лишены всяких ораторских прикрас. Его целью было снабдить тех, кто захочет написать историю, готовым материалом для обработки» [Цицерон 1962: 311].

Литературная деятельность Цезаря сыграла значительную роль в его политической карьере. Цезарь убедил многих современников в своей правоте. Он опровергает все обвинения политических противников, уличает их. Общественное мнение перешло на сторону Цезаря. Его диктатура была узаконена, он отпраздновал 4 триумфа и готовился к парфянской войне, когда его настигли кинжалы заговорщиков. Убийцами Цезаря стали рафинированные отпрыски сенаторских родов, люди, фанатично защищавшие древние свободы и не подверженные политической демагогии Цезаря. Убийство Цезаря вызвало возмущение римского плебса.

В своем творчестве Цезарь выступает как реформатор стилистики. Он очистил латынь от неуклюжих неологизмов и архаизмов, дал великолепные образцы классического латинского языка. Кроме того, его произведения доносят до нас массу подробностей о географии, флоре и фауне, государственном устройстве и особенностях военного дела завоеванных его войсками народов, а также о структуре, идеологии, специфике управления, вооружении, боевом духе римского войска. К тому же мы много узнаем об особенностях политического управления Древнего Рима.

Цезаря можно назвать виднейшим публицистом античности. Его «Записки», явно преследующие апологетические цели, являются прообразом более поздних пропагандистских сочинений. Любой крупный политический деятель, взявшись пропагандировать свои

идеи и пояснять поступки, в качестве удачного примера может обратиться к «Запискам» Цезаря.

Но, что более важно, именно Цезарь дал будущим векам прообраз газеты, периодического издания. Продолжив уже известный римлянам жанр фастов, он поднял на принципиально новый уровень общественное информирование в Риме. В следующих главах мы последовательно рассмотрим два этих значимых явления.

Глава 9

Рим: фасты и анналистика

Следующий из рассматриваемых нами примеров – рекламная и информационно-летописная традиция в Древнем Риме.

Нужно отметить, что у римлян существовала перенятая у греков вместе с привычкой к письменности практика надписей информационного и рекламно-афишного характера (которую сами греки заимствовали с Востока). У финикийцев, например, греки взяли обычай составлять воззвания, приглашающие покупать тот или иной товар, у египтян и персов – опыт монументальных надписей на

Рис. 20. Надписи на стенах пирамиды Унаса
своих правителей-деспотов.

камне и металле. Фараоны в свое время приказывали запечатлеть истории своих деяний на стенах пирамид (так называемые «книги пирамид»), персы вырезывали на металле своды законов, а на камне также прославляли деяния

Геродот, например, сообщает, что Дарий, могущественный персидский владыка, начиная поход на Грецию, поставил «два столба из белого камня, из коих на одном ассирийскими, а на другом эллинскими буквами вырезаны были имена всех народов, коих он вел с собою, а вел он всех, над коими властвовал». В. В. Учёнова определяет это, как «вариант политической рекламы – прославление своего могущества Дария способом, апеллирующим как к современникам, так и к потомкам» [Учёнова 1994: 16].

Чешский писатель Карел Чапек в одном из известных своих высказываний остроумно сравнивает и связывает информационно-рекламную практику тех времен с современными газетными новостями: «...газеты так же стары, как человечество. Геродот был журналистом, Шахзада – не что иное, как восточный вариант вечерних газет». Говоря о «монументальном, но трудоемком письме» древних, он отмечает: «Египтяне высекали свои газеты на обелисках и стенах храмов», предлагая представить, что было бы, если бы каждое утро нам привозили «шестьдесят тысяч обелисков и каждый из них тянуло бы шестьдесят тысяч волов!» [цит. по: Учёнова 1978: 37].

Переняв эту идущую с Востока традицию у греков, римляне ее «облегчили» и необычайно расширили. Использовался не только долговечный материал – медь, мрамор, камень – но и более дешевый: деревянные доски или просто побеленные стены домов, на которых писали черной или красной краской. Как раз от римлян больше всего осталось подобных памятников, современный их свод (т.н. «Corpus inscriptionum latinarum») включает несколько сотен тысяч разного рода надписей.

Рис. 21. Надписи на стене одного из домов Помпеи

Эти надписи не всегда серьезны. В основном это разного рода реклама торговая, политическая, брачная, реклама зрелищ и т.д. Например, такие надписи были найдены в Помпеях, древнем городе, законсервированном затопившей его лавой:

«Прохожий, пройди отсюда до двенадцатой башни. Там Сирикус держит винный погребок. Загляни туда. До встречи».

- «Выпивка стоит здесь асс. За два асса ты лучшего выпьешь, а за четыре уже будешь фалернское пить» [цит. по: Винничук 1988: 96].
- «Двадцать пар гладиаторов...будут сражаться в Помпеях за 6, 5, 4, 3 дня и накануне апрельских ид, а также будет представлена охота по всем правилам, и будет натянут навес. Написал Эмилий Целер один при лунном свете» [цит. по: Учёнова 1978: 36].
- «Прошу, чтобы вы сделали эдилом Модеста».
- «Рыбаки, выбирайте эдилом Попидия Руфа».
- «Если кто отвергает Квинтия, тот да усядется рядом с ослом» [цит. по: Винничук 1988: 105].

Уже в те времена существовала проблема, актуальная по сей день – обилие неконтролируемой «стихийной» рекламы, размещаемой порой в самых неподходящих местах. Городским властям приходилось предупреждать: «Запрещается писать здесь, горе тому, чье имя будет здесь упомянуто. Да не будет ему удачи». У одного из шутников того времени даже родилась эпиграмма:

«Я удивляюсь тебе, стена,
Как могла ты не рухнуть,
А продолжаешь нести
Надписей столько дрянных». [цит. по: Винничук 1988: 105].

В Риме имелось также достаточно текстов, которые удовлетворяли не только рекламные, но и информационные потребности населения. Во-первых, между римскими гражданами существовала обширная деловая и бытовая переписка; для нужд государственного управления также писались официальные письма-депешы, перевозимые вестовыми. Далее, существовала такая специфическая форма информирования населения, как *фасты*, также восходящая к афиш-

но-рекламной традиции. Проследим эволюцию этого жанра в Древнем Риме.

Как отмечают исследователи, с очень раннего времени в Риме появился обычай составлять *календарные записи*, где фиксировалась информация о присутственных днях, т.е. о днях, в которые происходили слушания судебных дел, объявлялись распоряжения и новые законы. Такие записи назывались *фастами*.

Составителями их были жрецы. С течением времени к этой информации добавили еще и другую, когда стали составляться списки магистратов, т.е. государственных должностных лиц (преторов, консулов, трибунов) – так называемые *консульские фасты*, с добавлением же коротких

Рис. 22. Фасты

сообщений о триумфах возникли *триумфальные фасты*.

В погодные списки магистратов жрецы стали вносить сообщения о столкновениях и войнах с соседними племенами и общинами, эпидемиях, голоде, стихийных или астрономических явлениях (солнечные и лунные затмения) и т.д. Постепенно эти записи превращались в своеобразную форму летописи.

Эта эволюция постепенно привела к тому, что в IV в. до н.э. (ок. 320 г. до н.э.) римскому верховному жрецу было предписано ежегодно выставлять официальный список магистратов, выбранных в данном году, а также заносить в него все выдающиеся события, происходящие в течение года.

То есть уже здесь, к IV–III вв. до н.э., мы видим:

1. Зачатки такого важного для прессы, публицистики качества, как периодичность – фасты появлялись ежегодно. Ежегодник – это самая первая периодичность в истории прессы, затем она повторится в молодой Европе в случае с так называемыми *ярмарочными изве-*

стиями, которые выходили к крупным ярмаркам сначала раз в год, а затем раз в полгода.

2. Прообраз такой важнейшей единицы информационной публицистики, как сообщение (или заметка) – фасты представляли собой совокупность простейших, на уровне констатации факта, сообщений.

Написанные на побеленной доске (она называлась «album» – «белый»), эти тексты выставлялись на Форуме, подле здания, называющегося «Regia» – официальной резиденции верховного жреца римской общины (pontifex maximus) – или просто понтифик. Для обозначения этих записей в отечественной науке используется также термин «таблицы понтификов» (В. В. Учёнова, С. А. Утченко). Они являлись носителями информационно-коммуникативной функции и отчасти функции нормативно-дидактической, поскольку в них также публиковались законы, предписывающие гражданам Рима определенные нормы поведения.

Исследователь С. А. Утченко подчеркивает, что главное назначение этих таблиц – практическое. Эстетической нагрузки, характерной для более поздней публицистики, эти сообщения нести не могли. «...Ведение таблиц, – отмечает С. А. Утченко, – было связано с обязанностью понтификов регулировать календарь и наблюдать за ним» [Утченко 1969: 224]. По истечении года эти доски (таблицы) убирались на хранение, а на их место выставлялись новые.

Непосредственная практическая польза этих записей была в том, что в них находили те или иные справки магистраты текущего года, они же служили справочным материалом при ведении судебных споров, подтверждая время купли и продажи той или иной недвижимости, займа и т.д.

Одними из основных потребителей фастов были простолюдины. Как полагает Г. Буасье: «Многие из них имели сыновей в войсках, все они очень интересовались делами своего отечества; им

приятно было узнать об успехах своих легионов, о взятии осажденного города, об обращении в бегство неприятельской армии» [Буасье 1896: 301].

Собрание погодных записей фастов стали называть «анналами» (точнее, «*Annales maximi*» – «великие летописи»). Именно в них Г. Буасье видит начало римской истории. Швейцарский же историк масс медиа Р. де Ливуа заявляет, что европейская журналистика, вернее «протожурналистика», берет свое начало как раз в этих древнеримских «Анналах». Мы видим, что со времен своего зарождения пресса не теряла связей с историческим описанием, и до сего дня сохранились определения прессы как истории нашего времени.

Полагают, что подобные записи начали делать со времени падения царской власти в Риме (510 г. до н. э.). Так, Цицерон сообщает о почерпнутом из фастов известии от 404 г. до н.э. о происшедшем в этом году солнечном затмении, – по его свидетельству, древнейшее из упоминаемых в «Анналах».

Традиция фастов была развита римлянами в двух направлениях: *анналистике* и цезаревской *прагазете*.

Анналистика. «Историография в Риме тоже начиналась с афиши», – справедливо констатирует В. В. Учёнова [Учёнова 1989: 29], отмечая сущностную связь афишно-рекламной традиции и исторических описаний римлян. Действительно, эта связь очевидна.

В III в. до н.э. после побед над Пирром и карфагенянами, римляне начинают проявлять все больший интерес к прошлому родного города и государства. Сжатые, примитивные в литературном отношении анналы уже не удовлетворяют в полной мере запросам культурных представителей римского общества и тех греков, которые стали интересоваться прошлым нового мощного политического объединения, не только подчинившего себе большую часть Апеннин-

ского полуострова, но оказавшего воздействие на все античные государства Средиземноморья.

С конца III в. до н.э. образованные римляне, основываясь на анналах, начинают писать летописи – истории римского народа с древнейших времен до своего времени. Первое поколение историков («старшие анналисты» к. III – сер. II в. до н.э.) кроме отечественных документов использовало утраченные затем сочинения греков и излагало отечественные предания по-гречески, на международном языке читающей публики той эпохи.

Рис. 23. Катон

Основоположником новой традиции стал Марк Порций Катон Старший (Катон Цензор) (234–149 г. до н.э.), проповедник простоты быта и речи, строгости нравов и законов. Катона можно считать основоположником римской историографии. Сторонник республиканского правления, он пропагандировал во всем римский образ жизни и мышления. В противовес проникающей в Рим

греческой теоретической науке он пишет своего рода энциклопедию римских практических знаний – ряд сочинений о сельском хозяйстве, военном деле, праве и т.д.

Катон становится первым из анналистов, применивших в своем историческом описании латинский язык вместо греческого. Это дает право называть Катона основоположником латинской исторической прозы.

Свой труд, который охватывает римскую историю с древнейших времен, Катон называет «Начала». Характерной особенностью повествования Катона является отсутствие имен военачальников и отдельных

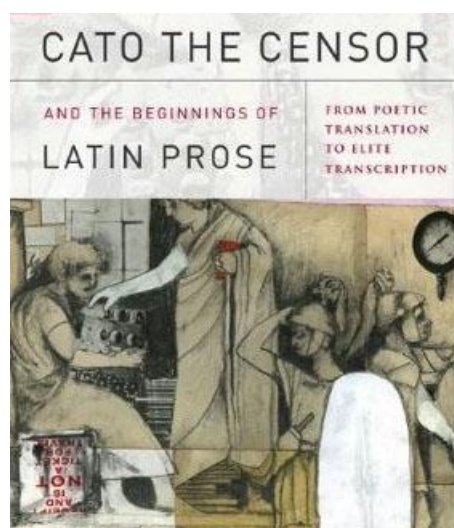

Рис. 24. Современный сборник работ Катона

военачальников и отдельных

исторических дат. Он пишет о ведении войны, повествует о героических поступках, но не называет лиц, которые их совершали.

Источником для истории Катона послужили летописи понтификов, а для более позднего времени – сообщения современников и личные наблюдения. Характеризуя его отношение к работе, Цицерон писал: «...в нашем государстве в те времена ничего нельзя было знать и изучать такого, чего бы он не исследовал и не знал, а потом и написал».

Один из главных аспектов катоновских «Начал» – пропаганда социальных и политических ценностей Рима. Здесь можно отметить, что Катон – выразитель общей для более поздних летописных документов тенденции, т.е. там, где документалистика переходит в историографию, имеет место особое явление. Если фасты и другие древнейшие документы являлись по преимуществу носителями простой информативной функции (проинформировать нуждающихся о том или ином событии, закрепить в социальной памяти тот или иной факт), то в более поздние летописи привносится дидактическая функция, т.е. автор навязывает читателю определенные мнения, идеи, установки. На эту особенность римских летописцев, т.е. пропаганду социальных интересов Рима, указывает и упоминавшийся уже исследователь С. Л. Утченко. Их труды, полагал он, писались с целью «...активного содействия благу общества, благу государства. ...Римские анналисты писали в интересах *res publica*, разумеется, в меру своего понимания этих интересов» [Утченко 1977: 101].

Глава 10

Гай Юлий Цезарь

и зачатки периодической печати в Риме

Древние античные города-республики удовлетворяли свои потребности в публицистическом слове в общенародных собраниях, в деятельности ораторов, а потребности информационные – при помощи объявлений глашатаев или гонцов. Они могли повторять нужное известие неоднократно, но не было гарантии, что при следующем повторе ничего не забудется или не переиначится.

С течением времени, при появлении более сложно структурированных социальных образований, появилась потребность в более оперативном, регулярном и точном средстве распространения информации. Такие попытки уже предпринимались ранее, когда этого требовал уровень развития того или иного государства. Примером тому могут служить папирусные свитки-«газеты» при дворе египетских фараонов или придворный журнал-дневник «Эфемериды» Александра Македонского [Источниковедение Древней Греции 1982: 23–25]. Однако данные издания не имели широкого распространения, нося подчеркнуто элитарный характер, и не обладали явно выраженной периодичностью. Что же касается Римского государства, то именно оно, в период своей зрелости, сумело внести значительный вклад в создание основ феномена периодической печати.

К середине I в. до н. э., благодаря завоеваниям Цезаря и других римских военачальников, римское господство распространилось на все средиземноморское побережье. Римское государство того времени – огромный социальный организм, связывающий воедино

судьбы своих граждан, которыми являлись представители различных стран и народов. В такой структуре естественно возникает необходимость в регулярном распространении и получении общественной информации. «Рим чувствовал потребность знакомить народ с результатами тех великих предприятий, которые сделали его властителем мира», – справедливо констатирует Г. Буасье [Буасье 1896: 300]. О происходящем в государстве желали знать широкие массы как столицы, так и провинций. Отчасти удовлетворяли информационные запросы римлян *фасты (таблицы понтификов)* – ежегодно обновлявшиеся записи на побеленных досках, помещавшиеся на главной площади Рима. Однако к середине I в. до н. э. эта традиция была существенно расширена.

На возникшую общественную потребность **Гай Юлий Цезарь** ответил со свойственной ему быстротой и оперативностью, едва это смогли позволить возможности обретенной им власти консула (59 г. до н. э.). (Несомненно, титул праотца европейской прессы, так же как и другие титулы – творца нового («юлианского») летоисчисления и первого императора принадлежат ему по праву).

Римский историк Гай Светоний так рассказывает об этом: «По вступлении в должность он первым приказал составлять и обнародовать ежедневные отчеты о собраниях сената и народа» («*instituit ut tarn senatus quam populi diurna acta confierent et publicarentur*») [Транквилл 1988: 20].

К латинскому «*publicare*» – «обнародовать» – происходит и современное слово «публиковать». Цезаревские публикации первоначально делались на доске, смазанной гипсом, которая вывешивалась на всеобщее обозрение. Их копии, выполненные на небольших пергаментных листках, очевидно, вывешивались в наиболее людных местах – на площадях, над портиками зданий, на перекрестках улиц, продавались у цирюльников и менял. Для иногородних многочис-

ленные писцы списывали сообщения. По истечении некоторого времени оригинал сдавался в государственный архив. Ответственным за публикации о заседаниях сената обычно назначали молодого сенатора, который стоял во главе группы стенографов, фиксировавших все, что происходило в этом органе власти.

Со слов Светония можно заключить, что публикации о заседаниях сената и происходящем в народном собрании – то, что вошло с историей под названием «*Acta Diurna*» – появлялись с *ежедневной периодичностью*. Само слово «журналистика» обязано названием именно изданию Цезаря, так как в европейскую практику слово *журнал*, пришедшее через посредство французского **journal**, восходит к латинскому *diurnalis* – *ежедневный*.

Нельзя не согласиться, что издание *Acta Diurna* вождем партии популистов в определенном смысле было шагом в угоду народу. Исследователь Е. Н. Корнилова, остроумно сравнивая публикуемое Цезарем с телеотчетами российского Верховного Совета и Государственной Думы, считает, что Цезарь решил «развенчать в глазах широкой публики величие и таинство прибежища республиканской олигархии, показать рутину и мелочную игру личных интересов в прениях» [Корнилова 1998: 154]. Здесь Е. Н. Корнилова опирается на Г. Буасье, указывающего на антисенатский характер новой газеты: «Политические собрания, равно как и бюрократические учреждения — последние даже в особенности, много теряют, если их видеть вблизи» [Буасье 1896: 299].

Безусловно, сам способ публикации – путем записей на побеленных досках – не был оригинальным, он был уже знаком римлянам по *фастам* (не случайно Т. Моммзен сравнивает *Acta Diurna* с современной стенгазетой). Однако фасты имели не ежедневную, а только ежегодную периодичность (большая разница!), да и содержа-

ние таблиц понтификов существенно отличалось от публикаций газеты Цезаря.

Подробный, правдивый рассказ о происходящем в «высших эшелонах власти», – несомненно, важная заслуга газеты Цезаря. Заботясь об объективности информации, стремясь к политической открытости и будучи уверенным в собственной правоте, Цезарь, без сомнения, закладывал основы современного журналистского жанра *отчета* [Корнилова 1998: 153].

Исследователи полагают, что газета, учрежденная Цезарем, состояла из *двух частей*. Отчеты о заседаниях сената и народного собрания входили в ее *первую часть*, а во *вторую* – светская хроника и информация о происшествиях, то, что сами римляне называли «пустяками» (*inertiae*). Наиболее важной Цезарь считал первую часть газеты. Интересно, что, давая правдивые сведения о происходящем во властных структурах, самый известный из римских диктаторов полагался на свободную волю и здравый смысл римских граждан. Его издание не стремилось развлекать читателя, но побуждало к самостоятельным размышлениям о политике, делах в государстве, деятельности тех или иных представителей власти.

После гибели Цезаря газета изменилась: отдел отчетов уменьшился до минимума, там публиковались лишь краткие резюме о происходящем в правящих верхах. Император *Август*, «находящий удовольствие в разрушении того, что составляло дело рук Цезаря» [Буасье 1896: 303], в отличие от своего именитого предшественника, не считал нужным давать народу объективную и социально значимую информацию. При этом весьма увеличилась в объеме вторая, «развлекательная», часть газеты. После Августа *Acta senatus et populi* – теперь так стала называться газета – продолжала развивать-

ся в направлении большей развлекательности и меньшей объективности и информативности.

Большую часть издания стали составлять знакомые нам сегодня по массовым изданиям сообщения о полуправдоподобных событиях, которые потом римские писатели охотно стали вставлять в свои произведения. Как указывает Г. Буасье, Плиний позаимствовал из газеты историю о верной собаке, которую не смогли оторвать от трупа хозяина, казненного и брошенного в Тибр, а также историю о каменном дожде, который падал на форум, когда Милон обращался к толпе с приветственной речью.

«Пользуясь тем же источником, – продолжает Г. Буасье, – Плиний рассказывает, что в восьмое консульство Августа один из жителей Faesulae пришел для жертвоприношения в Капитолий вместе с восьмью своими детьми, двадцатью восьмью внуками, восьмью внучками и девятнадцатью правнуками; вероятно, эта сказка была помещена по особому распоряжению императора, беспокоящегося обезлюдием Италии и любившего оказывать почет многочисленным семействам. Прибавим, что в этом же отделе упоминалось также о знатных свадьбах (светская хроника), рожденьях и смертях, не считая разводов, которые должны были занимать большое место, ибо, по словам Сенеки, в Риме ежедневно происходило по крайней мере по одному разводу» [Буасье 1896: 304–305].

Со временем газета приобретала также рекламно-пиаровский оттенок, причем обслуживались здесь прежде всего интересы стоящих у кормила власти. Так, газета охотно публиковала речи императоров, не забывая упомянуть об аплодисментах, которые их сопровождали. Из-за обилия официоза в газете, как это бывало и позже, римские граждане развивали специфическое умение – читать между строк.

Рассуждая о сущности *Acta Diurna*, следует оговориться, что вряд ли можно проводить полную аналогию между этим изданием и современной газетой. Само слово «газета» мы можем применять здесь с достаточной долей условности.

Во-первых, *Acta Diurna* можно приблизить не столько к журналистике, сколько к ПР: по своему содержанию это издание ближе к кратким информационным бюллетеням (пресс-релизам), которые раздаются журналистам на пресс-конференциях, съездах, презентациях и т.д. Это скорее исходный сырой материал для газеты, чем сама газета. Факт здесь только фиксируется, но не комментируется. Между тем современную газету трудно представить без комментария, анализа фактов.

Исследователи отмечают генетическую связь *Acta Diurna* с историческими хрониками и деловой документалистикой. Так, В. В. Учёнова оценивает *Acta Diurna* как «оперативную историческую хронику в документальной форме, фиксирующую текущие события», чьим свойством является «исходный синкретизм, неразработанность форм и вариантов письменного общения» [Учёнова 1972: 47–48].

Во-вторых, от газеты *Acta Diurna* отличает принципиально иной механизм тиражирования. Массовость издания здесь, как отмечают исследователи, обеспечивалась не путем распространения стандартных экземпляров, а благодаря довольно тяжеловесному механизму специального копирования и частных корреспонденций, рассылаемых в провинцию. При этом частная переписка, будучи жанром более свободным, подчас не могла гарантировать объективности пересказа излагаемых сообщений: если пишущий не ставил своей задачей дословно воспроизвести *Acta Diurna*, о точности копирования не могло быть речи. Следовательно, помимо точных, сделанных по специальному заказу, копий издания существовало мно-

жество достаточно произвольно сделанных его пересказов. И здесь возникает решительное отличие современной газеты, предполагающей абсолютную точность воспроизведения тиражируемого текста, от издания римских императоров.

Как бы там ни было, издание, созданное Цезарем, являлось важным органом информирования в Римском государстве и пользовалось большим успехом. Ссылки на известия, заимствованные из него, встречаются у многих римских мыслителей. Очень часто ссылался на *Acta* Цицерон. Будучи в провинции, он писал своим друзьям «Я знаю, ...что вы получаете газету. Из писем тех, которые обязались переписывать ее для вас, вы должны знать обо всем, что происходит» [Буасье 1896: 306]. А спустя полтора столетия Плиний-младший писал из своего имения одному из друзей-римлян: «Сохраните хорошую привычку переписывать и присылать мне газету, когда я живу в деревне» (там же).

По утверждению историков, газета существовала от начала и до конца Римской империи. Однако никогда она не приобретала такого значения, которое пресса играла в более позднее время. Гастон Буасье называет несколько причин, по которым римская газета не стала тем, чем сегодня является периодическая печать для нас. Две из них – отсутствие четкого механизма размножения и каналов распространения – он не считает достаточно вескими: рукописная копия могла в то время, по его мнению, достойно заменить печатную, а имперская почта могла развозить газету во все концы империи. Сами римляне, делает он вывод, «не нуждались в прессе для совершения своих великих дел» [Буасье 1896: 312]. Очевидно, дело в том, что устная речь тогда несла гораздо большую общественную и коммуникационную нагрузку, и часто в те времена не было необходимости обращаться к речи письменной. «Христианство распростра-

нилось без газет, почти без книг, живым словом» – подчеркивает исследователь [Буасье 1896: 313].

Более современный исследователь А. И. Малеин считает, что *Acta* не стали по-настоящему популярны из-за «отсутствия публицистической стороны», т.е. анализа, комментария сообщаемых фактов. По его мнению, верх над ними, в конце концов, одержали «устно передаваемые сообщения, которые отличались ...большей свободой и непринужденностью, чем официальный орган» (цит. по [Учёнова 1978: 48]).

Античные репортеры. Задолго до Цезаря был известен еще один способ распространения новостей, не скованный официальными рамками (он уже намечался в разговоре о Цицероне). Это – *бытовая переписка*.

Живущему в провинции родственнику или знакомому жителю столицы могли сообщать свежие новости – о судебных процессах, заседаниях сената, боях гладиаторов, бракосочетаниях, изменах, убийствах, да и просто пересказывать сплетни.

В письме не возбранялось высказывать свое мнение и комментировать то, о чем рассказываешь.

Этот способ распространения информации был настолько популярен, что деятельность распространителей информации в определенных случаях можно назвать полупрофессиональной, поскольку осуществлялась она достаточно регулярно и к тому же оплачивалась.

Именно поэтому исследователь К. Бюхер употребляет в данном случае словечко *репортер*.

К. Бюхер рассказывает об установившемся среди живущих в провинции римлян обычае «держат в столице одного или нескольких собственных корреспондентов, которые письменно извещали бы их о ходе политических дел и других событиях дня. Этими корре-

спондентами были обыкновенно интеллигентные рабы или вольноотпущенники, которые хорошо знали столичную жизнь и иногда за вознаграждение снабжали известиями нескольких лиц одновременно; они представляли собою, следовательно, особого рода *античных репортеров*, отличающихся от современных тем, что писали не для газеты, а непосредственно для читателей. Эти корреспонденты, благодаря своим клиентам, нередко имели даже доступ к заседаниям сената» [Бюхер 2001: 11].

То есть при Цезаре этот способ распространения информации не только дублировал сообщения *Acta Diurna* (например, попросту пересказав их), но мог расширять эту информацию, подавать ее в ином ракурсе, анализировать, используя так называемый эффект присутствия (ведь корреспондент находился поблизости от эпицентра событий) привносить новые сообщения.

Наиболее умные из этих прарепортеров, несомненно, так и делали. «Многие из них, – полагает Е. В. Корнилова, – были греками, ищущими интеллектуальных заработков в латинской столице. В обязанности этих людей входила беготня по городу и собиранье любой информации о происшествиях, скандалах, несчастных случаях и тому подобных событиях. Они ... сообщали об освищенных актерах, о побежденных гладиаторах, подробно описывали богатые похоронные процессии и вообще делились всякого рода слухами и сплетнями, особенно всеми скандальными случаями, о которых им удалось узнать. Вот такие сведения получал знаменитый Цицерон от своих корреспондентов из среды «голодных греков», завербованных специально для проконсула его другом Марком Целлием Руфом» [Корнилова 1998: 149–150].

Таким образом, здесь намечен прообраз привычной сейчас *репортерской работы*. Наличествуют необходимые ее элементы, т.е. сообщение ведется с места события, воспроизводятся необходимые факты, имеет место их авторская оценка и анализ.

Вместе с тем употребление слова «репортер» здесь достаточно условно. Форма фиксации информации – письмо – не рассчитана, как современные репортажи, на массовое восприятие. Текст письма характеризуется синкретичностью функций, которая сохранилась до наших дней (т.е. задача письма – не только информировать, но и выражать внимание, заботу – родственнику, другу, знакомому). Иными словами, информация была подчеркнуто индивидуализирована, предназначаясь для конкретного человека. Примечательно, что некоторые современные теоретики журналистики предсказывают читателям прессы похожее будущее – каждый человек станет получать не отдельные газеты, а одну «метагазету» – совокупность наиболее любопытных новостей из интересующих его областей.

Возможно, газета в более привычном нам виде не появилась в силу того, что многие из функций периодической печати успешно выполняли почтовые сообщения. К подобному мнению приходит зарубежный исследователь Т. Моммзен: «Журналистика, в нашем смысле слова, никогда не существовала у римлян; литературная полемика ограничивалась брошюрной литературой, да еще весьма распространенным в то время обычаем писать в общественных местах кистью и грифелем все сведения, предназначавшиеся для публики. Зато многим мелким личностям поручалось записывание для отсутствующих господ всех ежедневных происшествий и городских новостей» [Моммзен 1995: 422].

Заключение

Большинство из важных для появления журналистики предпосылок сформировались уже на этапе зрелой античности. Справедливо утверждение В. В. Ворошилова, что «античная культура вплотную подошла к созданию института журналистики» [Ворошилов 1999: 10].

Структурные элементы журналистики присутствуют:

в ораторском искусстве

- 1) личность оратора (публицист, гражданин, человек);
- 2) воздействие на аудиторию;
- 3) общественная значимость;

в документалистике и историографии

- 1) документально точное изложение факта, исследование причинности явлений;
- 2) его освещение с той или иной позиции (личность исследователя);
- 3) дидактико-пропагандистские цели (воздействие на читателя);

в государственном, общественном информировании

- 1) массовость, регулярность распространения информации («Acta Diurna»);
- 2) выделение полупрофессионального сословия («античные репортеры»), обслуживающего информационные процессы.

Античная словесность дала нам образцы или прообразы многих публицистических жанров:

- **информационных** – сообщение, выступление, репортаж, отчет;
- **аналитических** – беседа, дискуссия, ток-шоу, обзорение, письмо;

- **художественных** – портретный и биографический очерк, записки, памфлет.

Однако собственно журналистика, как общественный институт, возникла гораздо позже, в XVII веке, когда сформировались определенные социальные предпосылки (дифференциация труда; выделение журналистики как обособленной профессиональной сферы; технические новации, сделавшие возможным массовое распространение информации – удешевление материала, появление печатной техники).

Список литературы

- Бокшанин А. Г.* Источниковедение Древнего Рима: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. 160 с. С. 23–25, 47–50, 55–57, 69–71.
URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/bokshanin_istochnikovvedenie_drevnego_rima/bokshanin_istochnikovvedenie_drevnego_rima.djvu (дата обращения: 05.08.2013).
- Борецкий Р. А., Цвик В. Л.* Жанры телевизионной публицистики // Телевизионная журналистика: Учебник. М.: МГУ, 1998. 288с.
- Введение в литературоведение: хрестоматия/ под ред. П. А. Николаева.* М., 1988.
- Боровухич В. Г.* Научное и литературное значение труда Геродота // Геродот. История. М., 1972. С. 457–499.
- Буасье Г.* Газета Древнего Рима // Буасье Г. Собрание сочинений: в 10 т. СПб., 1896. Т. 1. С. 281–313.
- Бюхер К.* Происхождение газеты // История печати: антология. М., 2001. С. 7–27.
- Вакуров В. И., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я.* Стилистика газетных жанров. М.: Высшая школа, 1978. 183 с.
- Виллен Ж.* Очерки о репортаже. Его отцом был Геродот // Журналист. 1970. № 3, 4.
- Ворошилов В. В.* Журналистика: учебник. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 1999. 300 с.
- Винничук Л.* Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима. М., 1988.
- Гаспаров М. Л.* Литература времени гражданских войн // История всемир. лит. Т. 1. М., 1983.
- Гаспаров М. Л.* Цицерон и античная риторика // Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1994.

Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: Эпос, лирика, театр. М., 1968.

Геродот. История / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1972. 600 с.

Грабарь-Пассек М. Е. Марк Тулий Цицерон // Цицерон М.Т. Речи. В 2 т. М., 1962. Т. 1.

Дуров В. С. Цель «Записок о Галльской войне» Юлия Цезаря // Вестник Ленингр. ун-та. Сер. 2. Литературоведение. 1988. Вып. 4 (№ 23). С. 24–29.

Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. URL: http://kornilova.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?uuid=42ac680b-351b-4e0f-9f7f-a1f69d62b10b&groupId=1517917 (дата обращения: 05.08.2013).

Исократ. О мире / пер. Л. М. Глускиной // Исаева В. И. Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. URL: http://kornilova.professorjournal.ru/c/document_library/get_file?uuid=42ac680b-351b-4e0f-9f7f-a1f69d62b10b&groupId=1517917 (дата обращения: 05.08.2013).

Исократ. Панегирик // Ораторы Греции / пер. с древнегр., сост. и науч. подготовка текстов М. Гаспаров. М.: Худ. лит., 1985. С. 39–64. URL:

[http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/"Biblioteka_antichnoy_literatury"/Orator_y_Grecii.\(1985\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/B/) (дата обращения: 05.08.2013).

Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): Учебное пособие/ под ред. В. И. Кузицина. М., 1982. С. 23–25. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/istochnikovvedenie_drevney_grezii/istochnikovvedenie_drevney_grezii.djvu (дата обращения: 05.08.2013).

Калмыков А. А. Профессиональные корни журнализма // Regla.ru, 2005. №11 (113). URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=581&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 05.08.2013).

Кащеев В. И. Полибий и его «Прагматическая история» // Античный мир и археология. Саратов, 2002. Вып. 11. С. 23–30. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1351617345> (дата обращения: 05.08.2013).

Кнабе Г. С. Проблема Цицерона // Материалы к лекциям по теории культуры и истории Древнего Рима. М., 1990. С. 382–394.

Кошеленко Г. А. Греция и Македония эллинистической эпохи // Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма): учеб. пособие/ под ред. В. И. Кузищина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 66–117. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/istochnikovvedenie_drevney_grezii/index.htm (дата обращения: 05.08.2013).

Корнилова Е. Н. Риторика – искусство убеждать. М.: Изд-во УРАО, 1998. 205 с.

Куле К. СМИ в Древней Греции: сочинения, речи, разыскания, путешествия... / пер. с фр. С. В. Кулланды. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 256 с.

Кучерова Г. Э. Очерки теории зарубежной журналистики. Ростов н/Д, 2000.

Кройчик Л. Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / ред.-сост. С. Г. Корконосенко. М., 2000. С. 125–167.

Лихачёв Д. А. Возникновение русской литературы. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 240 с.

Лучинский Ю. В. Очерки истории зарубежной журналистики. – Краснодар, 1996.

Миллер Т. А. Аттическая проза IV в. до н. э. // История всемир. лит: в 8 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 388–397. См. тж. <http://febweb.ru/feb/ivl/v11/v11-3882.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Миллер Т. А. Аттическая проза V в. до н. э. // История всемир. лит: в 8 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 382–388. URL: <http://febweb.ru/feb/ivl/v11/v11-3822.htm?cmd=2> (дата обращения: 05.08.2013).

- Моммзен Т.* История Рима: в 5 т. СПб., 1995. Т. 3.
- Нерсесянц В. С.* Политические учения Древней Греции. М.: Наука, 1979. 262 с. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/nersesyanz_politicheskie_ucheniya_drevney_grezii/nersesyanz_polit_uch.pdf (дата обращения: 05.08.2013).
- Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. / пер. Вл. С. Соловьева, М. С. Соловьева и др. М.: Мысль, 1990. Т. 1. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.1.\(1990\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.1.(1990).[pdf].zip) (дата обращения: 05.08.2013).
- Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. / пер. С. А. Ананьина, С. К. Апта, Т. В. Васильевой и др. М.: Мысль, 1993. Т. 2. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.2.\(1993\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.2.(1993).[pdf].zip) (дата обращения: 05.08.2013).
- Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. / пер. С. С. Аверинцева, А. Н. Егунова, Н. В. Самсонова. М.: Мысль, 1994. Т. 3. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.3.\(1994\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.3.(1994).[pdf].zip) (дата обращения: 05.08.2013).
- Платон.* Собрание сочинений: в 4 т. / пер. А. Н. Егунова, С. П. Кондратьева и др. М.: Мысль, 1994. Т. 4. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.4.\(1994\).\[pdf\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/P/PLATON/Platon._Sobranie_sochineniy_v_4_tt._T.4.(1994).[pdf].zip) (дата обращения: 05.08.2013).
- Полибий.* Всеобщая история / пер. и комментарии Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, Ювента, 1994. Т. 1. 496 с. URL: <http://www.docme.ru/doc/79465/polibij---vseobshhaya-istoriya-knigi-i-ix> (дата обращения: 05.08.2013).
- Плутарх.* Демосфен и Цицерон // Плутарх. Сравн. жизнеописания: в 3 т. М., 1964. Т. 3. С. 301–340.
- Плутарх.* Цезарь // *Плутарх.* Сочинения / пер. Г. А. Стратановского и К. П. Лампсакова; сост. С. Аверинцева. М.: Худ. лит., 1983. 703 с.

Прозоров В. В. Современная журналистика в свете общего литературоведения // Литературоведение и журналистика: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2000.

Пустовалов А. В. «Всеобщая история» Полибия (пражурналистский аспект) // Проблемы филологии: материалы конф. молодых ученых и студ. (апрель 2002 г.) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2003. 160 с. С. 148–149. URL: http://psujourn.narod.ru/lib/pust_polyb2003.htm (дата обращения: 05.08.2013).

Стратановский Г. А. Фукидид и его «История» // Фукидид. История. М., 1981.

Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учеб. пособие. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.

Транквилл Г. С. Жизнь двенадцати цезарей / пер. М. Л. Гаспарова. М., 1988.

Тыжов А. Я. Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история / пер. и коммент. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, 1994. Т. 1. 496 с. URL: <http://ancientrome.ru/publik/tijov/tijov01-f.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М.: Наука, 1969. URL: <http://ancientrome.ru/publik/utchenko/utch04f.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима. М., 1977. URL: http://www.sno.pro1.ru/lib/utchenko_politicheskie_ucheniya_drevnego_rima/utchenko_polit_ucheniya_rima.pdf (дата обращения: 05.08.2013).

Учёнова В. В. Исторические истоки современной публицистики. М., 1972.

Учёнова В. В., Старых Н. В. История рекламы: детство и отрочество. М., 1994.

Учёнова В. В. У истоков публицистики. М., 1989. URL: <http://journal-port.ru/publ/29-1-0-575> (дата обращения: 22.09.2013).

Фролов Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. URL: <http://sno.nm.ru/lib/frolov/index.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Фукидид. История / Пер. Г. А. Стратановского. М.: Наука, 1981. 545 с. URL: <http://mirknig.com/knigi/history/1181395379-fukidid-istoriya.html> (дата обращения: 22.09.2013).

Хализев В. Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 1999. 110 с. URL: <http://www.litmir.net/BookFileDownloadLink/?id=179411> (дата обращения: 22.09.2013).

Цезарь Г. Ю. Записки Юлия Цезаря и его продолжателей: в 2 кн. М.: День, 1991.

Цицерон М. Т. Диалоги. М.: Наука, 1966. 226 с.

Цицерон М. Т. Речи: в 2 т. М., 1962. 452 с. Т. 1.

Ярхо В. Н. Аристофан // История всемир. лит: в 8 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 372–377. URL: <http://feb-web.ru/feb/ivl/v11/v11-3722.htm> (дата обращения: 05.08.2013).

Учебное издание

Пустовалов Алексей Васильевич

**ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ
ПРАЖУРНАЛИСТСКИЕ ЯВЛЕНИЯ АНТИЧНОСТИ**

Учебное пособие

Редактор *Е. В. Шумилова*

Корректор *В. Е. Пирожкова*

Компьютерная верстка *А. В. Пустовалова*

Подписано в печать 23.09.2013. Формат 60 × 84^{1/16}.

Усл. печ. л. 7,15. Тираж 100 экз. Заказ

Редакционно-издательский отдел Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, Пермь, ул. Букирева, 15

Типография Пермского государственного национального
исследовательского университета
614600, Пермь, ул. Букирева, 15